

Оксана Демченко

ЦВЕТOK ЦИКOPИЯ
Книга II. Дом для бродяги

Оксана Демченко

**Цветок цикория. Книга
II. Дом для бродяги**

«Издательские решения»

Демченко О.

Цветок цикория. Книга II. Дом для бродяги / О. Демченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939897-0

Можно было бы утверждать, что это история об отношениях людей с самым молодым из богов — денежным. Но нет: в книге полно безбожников, которые игнорируют высшего, заодно ставя под сомнение и иные незыблемые ценности — даже саму жизнь, которая вроде бы дается человеку лишь раз. Так что, скорее всего, это история о ценностях, реальных и ложных, ради которых люди живут и умирают, выбирают себе богов или торгуются с бесами...

ISBN 978-5-44-939897-0

© Демченко О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Астра глори»	6
Выползок, первая жизнь. Волчонок	18
Глава 2. Бродяга в ночи	21
Выползок, первая жизнь. Оборотень	27
Глава 3. Чужие дети	35
Выползок, первая жизнь. Десять дней до смерти	52
Глава 4. Песья свара	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Цветок цикория. Книга II. Дом для бродяги

Оксана Демченко

Корректор Борис Демченко

© Оксана Демченко, 2018

ISBN 978-5-4493-9897-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-7790-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие, а вернее – несколько мыслей от автора.

Бессмертие – это такая же обыденность в сказках, как драконы и магия. Я сама не раз наделяла бессмертием расы или отдельных героев, и вроде бы так было правильно для сказки. Но для самого героя... Впрочем, пока сказка волшебная, она оправдывает авторский произвол.

Эта сказка не очень уж волшебная, в ней действуют только люди, иных рас не наблюдается. Или их видят не все, а лишь немногие обитатели тени, чьи показания вряд ли годны для жандармерии.

В несказочной реальности у жизни образовался иной смысл.

Жизнь, долгая или короткая, уж точно не может и не должна являться, как принято говорить с пафосом, «высшей ценностью». Ведь, если высшая ценность задана, то иные ценности заведомо ничтожны, и ради сохранения жизни ими можно пренебречь. Хотя «иные» – это семья, долг, совесть и прочее подобное, объединенное Юлианой Миран по денежному признаку: такие ценности можно продать, но нельзя купить.

Нет уж, жизнь никак не высшая ценность, она скорее эталон, необходимый для измерения. Именно в сравнении с жизнью каждый вымеряет для себя настоящий вес и смысл иных ценностей.

Глава 1. «Астра глори»

Отчет по переговорам с Тихоном Суцевым, духовником столичного Стосветского монастыря и неофициально – наблюдателем за делами храмовой «суровой нитки» в Трежале и областях окрест. Составлен Кириллом Юровым для передачи Юсуфу, только лично. Пометка «для самого узкого круга лиц»

Склонен думать, что недопонимание, сознательно спровоцированное третьим игроком – таково самое точное определение произошедшего. Ситуацию создал тот, кто сейчас занимает место Микаэле: храм получил запрос за подписью князя, и до сегодняшнего дня сам я для людей храма был лицом, причастным к запросу и уж точно осведомленным о его наличии. В запросе речь шла об оказании храмом помощи духовного плана, лже-Микаэле утверждал, что вокруг него зреет заговор, в деле одержимые, а неродной по крови сын потворствует им и даже готов сменить вероисповедание – не зря рядом с ним так много южан.

Для подтверждения слов лже-Микаэле передал храму двух одержимых, бесборцы с ними работали. Совместное расследование «суровой нитки» храма и новой, якобы созданной для этого трудного дела, службы охраны дома Ин Тарри, длится уже две недели. За это время люди лже-Микаэле получили немало выгод, используя убежища храма, его каналы обмена сведениями и способности его белых жив. Если мы верно сопоставили сведения, которыми располагаем, эти две недели были использованы, чтобы «обрубить хвосты»: лже-Микаэле по мере сил стер следы своей прежней активности и убрал или отослал прочь сторонников, ставших бесполезными и опасными... Кроме того, он переправил через границу Паоло Ин Тарри, используя возможности храма. Этого мы не ожидали, этот канал контролировали слабо.

Любая тайная служба, если спустить ее с поводка, делается опасно самостоятельной. Сейчас господин Суцев разбирает со всем вниманием, как же случилось то, что случилось. Да, люди храма, в том числе две полноценные боевые группы сыска с приписанными к ним белыми живами, в азарте погони исполняли указания лже-Микаэле, а вовсе не храма. Активно вмешивались в работу моих людей, чиня препятствия. Но высшей точкой абсурда стало покушение на Николо. Если бы не Агата с ее уникальной чуткостью, если бы не ты, Юсуф, с твоей подозрительностью, иногда похожей на болезнь... не хочу и думать о худшем. Водитель подменного автомобиля Ники все еще без сознания, в перестрелке и погоне моя группа потеряла троих, а выявить и по мере возможности снять петли смерти и прочую наговоренную наёмниками мерзость с моих людей сейчас помогают живы храма.

Все это – действительно наименьшая возможная плата за ошибку.

Мы достигли согласия с господином Суцевым. Храм возвращается к традиционному нейтралитету в делах, связанных с домом Ин Тарри.

Инцидент с Яковом и его протеже улажен, девушку отправили к вам, ее не будут преследовать. Ответно храм настаивает на шаге доброй воли в виде разрешения на ввоз в Самаргу мощей святого Михаила, первого из бесборцев.

Дата понятна, она есть в храмовом календаре. Оспаривать не вижу смысла, прежде мы трижды возили мощи из Иньесы, Микаэле неизменно давал согласие. На сей раз беру на себя согласование вопроса с регентом Иньесы.

Поскольку проблема с храмом улажена, я намерен заняться поиском Мики в полную силу. Юсуф, безопасность Николо полностью на тебе.

Меня зовут Юлиана Миран. Я еще не проснулась, но уже твердо уверена в своем имени и в том, что это именно я, телом и душой. Быть собой и пребывать в своем настоящем возрасте, в здравом уме и твердой памяти – счастье. Люди о подобном и не задумываются. Что ж, значит, их не вышибали из привычного мира так резко и окончательно, как меня.

Но я не жалею ни о чем. Я не авантюристка и не очень люблю приключения. Но твердо выбрала для себя это правило: ни о чем не сожалеть. Жалось съедает изнутри. Опустошает.

Меня научили новому правилу люди, из-за которых я, собственно, и оказалась вовлечена в водоворот невероятных событий. И я уж точно не жалею о встрече с ними. Хотя Ярмут, назвавшись поддельными именами, играл со мною в душевную привязанность... и заигрался. Якову я сама дала имя, он выползок и он всегда, с первого дня, был безмерно серьезен и честен со мной. Эти двое воистину умеют ни о чем не жалеть. Они просто не оглядываются, так мне кажется. А вот я оглядываюсь и стараюсь принять то, что произошло.

Я – мара, я умею открывать дверь из мира живых... в иной мир. Мой дар опасный и непредсказуемый, но я не жалею о том, что обладаю им.

Сейчас проснусь – и начнется новый день. Именно потому, что я запрещаю себе жалеть о прошедшем дне, в новом я постараюсь увидеть радость и красоту. Когда день завершится, именно их буду помнить. Чтобы снова ни о чем не жалеть день спустя. Даже если придется смотреть во тьму по ту сторону порога смерти. Даже если не получится спасти тех, кого стоит спасать, даже если день причинит раны душе и телу.

Сейчас открою глаза и увижу новый день, наполненный жизнью.

Я открыла глаза, потянулась... Благодать. Даже не стоило себя настраивать. День настоящему хорош. Не помню, когда отсыпалась так сладко.

Солнышко по забывчивости решило, что еще лето, и печет во всю силу. Бабочки повелись – слетелись на клумбы, украсить здешние цветы.

Цветы! Я вскочила, охнула и резко уткнулась носом в стекло. Астры такой красоты не доводилось видеть никогда, даже на картинках в альбоме новых сортов. Неужели они настоящие – серебряные и перламутровые, нежно-розовые с золотой окантовкой, винно-фиолетовые... И как подобраны! И ни одной клумбы неудачной формы, и ни одной сухой былинки. Палая листва изящно, с намеком на небрежность, обрамляет дорожки. Терпеть не могу, когда садовники-солдафоны метут красоту в кучи и трамбуют в мешки. Листва ранней осенью – драгоценна. Если приложить усилия, конечно же.

– Кьердорский разбираю через слово, всего-то год учу, а тут еще и незнакомый диалект, – прошептали рядом. – Хм... возможно, это и не кьердорский? Наречие Иньесы с ним схоже, как я не сообразил.

Я нехотя отвлеклась от астр, обернулась. На полу нашего огромного автомобиля удобно устроился тощий юноша. По одежде судя, минувшей ночью именно он дал мне воды и перевязал рану на запястье. Хотя... я и днем не все вижу, а ведь было темно, да еще инакость искажала зрение. Сейчас могу рассмотреть: у юноши каштановые волосы, слегка выющиеся. Кожа бледная, пальцы длинные, нервные... вот пальцы – помню! Точно он, не сомневаюсь, хотя как раз теперь юноша всем лицом уткнулся в диван, вернее, в край разворошенного свертка из пары толстых пледов, а внутри...

– Паоло, – шепотом позвала я, всматриваясь и не веря себе.

Мальчик, которого якобы невозможно разбудить, уже не спит! Прильнул к Васиному боку и весело щурится, и бормочет певуче, непонятно. Заглядывает снизу в лицо Норского. А еще – держит за палец переводчика, что сидит на полу, облокотясь о диван.

– Юна, почему Павлушка называет слонем вон того льва с крылышками? – возмутился Вася. Помолчал и добил меня новым вопросом: – И куда делся трехглавый дракон?

Как будто за ночь накопилось мало странностей! Теперь белый день, и пожалуй, уже вторая его половина. В воздухе ни крохи тумана, зато в голове... Вот тебе, Юна, сплошная мгла загадок! Ладно, разберусь. Поворачиваюсь... На свободном диване гордо возлежит Дымка.

– Это мой друг, мы уговорились, что его можно звать Дымка. Он... как бы котенок, только невидимый, – осторожно говорю Васе. Хлопаю себя по лбу. – Ну да! Ты его и звал драконом поутру. Ты же зрячий во тьме. Паоло – тоже? Хотя чего тут странного, он долго находился по ту сторону порога. Так, дай соображу. Я удачно рассказала сказку, и теперь ты видишь Дымку не угрозой, а другом.

Вася кивает и смотрит на Дымку, на меня, на Паоло... Тощий пацан, сидя на полу, крутит башкой – он никого не видит. Паоло тоже поворачивает голову, как все – ему нравится забава. В общем, мы дружно играем: у кого глаза станут больше и вылезут на лоб дальше. Думаю, я победила. Паоло рассмеялся, зарылся лицом в Васин рукав.

– Котенок? Вот еще, – фыркнул Вася. Вежливо поклонился призрачному коту. – Дымка, здравствуйте. Странно звучит, но вы чем-то похожи на Юну. Хотя я вижу льва, а Юна – она совсем другая, она... гм...

– Элья эра гарса, – подсказал Паоло.

– Белокрылая цапля, – неуверенно перевел тощий. – И откуда я знаю бесполезное слово? Могу ошибаться.

– Я тощая, как цапля и голодная, как сушеная змея, – скорбно согласилась я. – Мне бы хоть крошку в клювик.

– Откинь и клюй, – Вася взглядом указал на дальнюю сторону дивана, накрытую полированным орехом. – Юна, повезло мне! Павлушка по-нашему говорит мало, зато понимает все, что говорю я. И твою сказку он понял.

Мальчик защебетал – звонко и тонко, как садовая птица... Я улыбнулась. Вася зажмурился от удовольствия. Голос Паоло вселяет радость. Он особенный, более живой и ясный, чем у любого иного ребенка. Или мне кажется?

– Лом, он говорит, что сказка замечательная. Еще говорит, вы шутники. Называет львом и котом... слона. Он тараторит слишком быстро. Что за зверье? Где? Я сойду с ума, если не разберусь.

Я согласно помычала – да, с нами трудно! И продолжила хватать грязными руками куски сыра с подноса, заедать их кусками мяса с соседней тарелки. Удобный автомобиль! Знала бы раньше, заснула бы сытая!

– Ммм, тут и хлебушек есть.

Так, начинаю соображать и радоваться сытой жизни. Паоло очнулся! Это хорошо, это камень с души... хотя не надо о камне, – я вспомнила прозвище Якова, поперхнулась.. нашла рядом с едой полотенце, вытерла руки. – Уф, мне гораздо лучше. Яков сказал, что Дымка – дэв и бродяга. Он из мира по ту сторону тьмы. Если подумать, ему наверняка хорошо заметны люди, живущие у порога! Как я. Или облитые тьмой, как ты и Паоло.

– Вот здорово! Мы с Павлушкой оба видим Дымку, а то плохо, когда в семье кому-то надо простые вещи объяснять, – серьезно предположил Вася.

Вот, значит, как! Вася без подсказок, своей широкой душой, принял пацана. Я должна была предвидеть, ведь знала: он всех малышей в корпусе числит родней, кормит и оберегает. Он даже меня, постороннюю, почти сразу начал подкармливать. Следующая мысль возникла ниоткуда и была яркая, важная: Дымка не кот, а настоящий дэв! Надо было внимательно слу-

шать Якова. Раньше бы поняла, что дэв не имеет облика в привычном мне мире. Дэв переступает порог и делается таким, каким его нарисует воображение обитателя моего мира... Не зря на сельском погосте Дымка был ночным кошмаром! Люди гораздо легче верят в страхи, чем в добрые чудеса. Но Вася и Паоло особенные. Смогли в первый же день знакомства увидеть Дымку милым, ярким... настоящим.

– Ты что, собрался к ним в семью, всерьез? – спросила я у бывшего кота. Моргнула... могу видеть его котом. Но крылья проступают все отчётливее. Соглашаюсь мысленно, крылья так крылья. – Прости, я сразу не рассмотрела. А должна была, ты уж намекал-намекал с медом и пылью!

– Хватит тараторить! Как я все это переведу? – простонал тощий.

– По-нял, – выговорил Паоло. Улыбнулся и добавил: – Сдрасте. Харашо. Васия. Братик.

Последнее слово получилось совсем правильно, и мальчик улыбнулся шире. Тощий перводчик завожился на ковре. Смахнул с дивана три подушки, сунул себе под спину. Теперь он сидит рядом с Дымкой, лицом к нам – но ниже, в ногах. Глаза у парня зеленые, как болотный мох! Почему я не заметила прежде?

– Юна, здравствуйте. Мы давно знакомы, но не встречались. Я Шнурок. То есть Павел Котов. Но для вас называю прозвище, вы не посторонняя, вы самому Лому приятельница. И даже знакомы с Топором, то есть Юсуфом. Он – мой начальник. Юна, мы находимся в усадьбе с названием «Астра глори». Сейчас это резиденция Николо Ин Тарри. Уже час дня. Я не будил вас, как и просили. Хотя время не ждет, давно пора свести воедино обрывки сведений, накопленные каждым из нас, и составить цельную картину минувшей ночи.

Шнурок запнулся, резко наклонился, бесцеремонно вцепился в мою руку. Ощупал запястье под намотанной в несколько слоев тканью. Недоуменно нахмурился, вздохнул... и промолчал. Вася проследил за ним и согласно кивнул.

– Юна, ты была той старухой. У тебя на руке свежая рана, и еще была повязка: первую ведь Пашка сделал. Я верно угадал. Юна, у меня сто вопросов. Но я... молчу, – Вася значительно подмигнул. – Порой надо изо всех сил не знать, не спрашивать и не замечать.

Я осторожно выдохнула. Благодаря Васе не придется врать. Хорошо: я ведь совсем не умею! А правда такова, что вслух и полслова не выговорить.

– Дымка, – прошептал Паоло.

Мой призрачный кот... а мой ли? Он выбрал Паоло: вот поднялся на длинных лапах, выгнул спину – и широко раскрыл крылья. Перламутровые, золотые и опаловые, со вставками всех цветов осени. По салону прокатилась волна можжевельного запаха... Дымка, уменьшаясь на глазах, перелетел на плечо Паоло, забрался ему в волосы. Наверное, это приятно и щекотно – когда возле уха пристраивается живая брошь.

Моргаю, встряхиваю головой, морщусь... зрение шалит, поддакивая воображению: вижу дэва то крохотным котенком, то крылатым слоненком размером с мышку, то золотым мальчиком, очень похожим на Паоло. Вот тебе, Юна, твоя же сказочка – охай и держи челюсть обеими руками.

– А ведь ты ребенок, – вдруг поняла я. – Дымка, ты совсем дитя! Забрался далеко от дома, скучал... искал друга, который любит сказки? Да уж, вы поладите. Навещай меня иногда, ладно?

Дэв промурлыкал что-то неопределённое. Паоло зевнул, прикрыл глаза и задремал. Он улыбался во сне. Наверняка видел жаркое лето, волшебные цветы на изумрудном лугу, облако-слона... Вася бережно обнял названного брата. Выбрался из машины и двинулся к особняку. Следом заспешила я. Шнурок-Пашка поддерживал под локоть, он же нес мою сумку. Минувшей ночью я умудрилась забывать и бросать эту многострадальную сумку буквально везде, а она не потерялась. Чудо. Будет время, расскажу Павлушке сказку о сумке-неразлучнице.

– Лом отнесет Паоло и после сам решит, что ему делать и куда идти. А вам прямиком в кабинет, я провожу, – прошептал Юра. – Там... плохо там, Юна. Думаю, Яркату уже рассказали про доноров и обмен тел. Советник все лето болел, из-за этого ощущал себя ущемленным, его берегли от новостей. Он едва терпел. Подумайте, как туго заведена пружина его гнева!

– Понятно. Где Юлия?

– Думаю, она и рассказала, сама. Больше никому: Николо занят, Дарья Ильинична с ним, Курт далеко, Юсуф проверяет охрану. Было покушение на Николо. К счастью, обошлось, но день тревожный, все хотят надежды и определенности. Вот я и тороплю вас. Очень переживаю за Юлию, хоть она мне и не друг. Простите, вам она... враг? Вам неудобны мои оценки?

– Мне она не враг, точно. И я тоже переживаю за неё. Ярkut совершеннейший дикарь. Пружина настроения? Ха, да там бомба готовая.

Пашка Котов кивнул со вздохом. Мы быстро поднялись по лестнице. И как я шею не свернула, на бегу рассматривая залы и переходы! Старалась не отвлекаться, но было трудно. В этом доме мне нравилось все – ковры, паркет, мебель, гобелены, отделка стен и потолков, вазы и цветы в них, шторы, картины, люстры... Тот, кто продумывал стиль особняка и наполнил его вещами, невероятен. Понимать цвет и форму в их полноте – огромный дар.

Приемная перед кабинетом оказалась скучнейшим местом в особняке. Она... никакая. Всего лишь богатая и помпезная. Наверняка старая, обустроенная до большой переделки стиля. В приемной находились трое. Два пацана меня запросто проигнорировали. Третий, их старший, вошел через боковую дверь одновременно со мною, с порога кивнул всем и вдобавок дернул подбородком, указуя мне: мол, шагай сразу в кабинет, не задерживайся. Я собралась кивнуть в ответ... и споткнулась! Это же он, наипервейший друг-соперник Васи Норского – южанин по прозвищу «Топор». До чего переменился! И лицом, и фигурой, и походкой. Прежними остались лишь глаза: бездонно, беспросветно черные, словно зрачок сплошной.словно это не глаза, а неразбавленная тьма за последним порогом. Мороз по спине... не перепутать. Если Топор глянет на меня из дальнего окна через всю площадь, и то, пожалуй, замечу. Уж точно он зрячий во тьме. Может, от рождения? Не знаю. Позже спрошу, а пока – Котов забегают вперед, чтобы открыть дверь – а я наконец-то киваю Топору.

– Признателен за готовность помочь, – едва слышно шепчет он, пока я шагаю через комнату и думаю: как его зовут по-настоящему? Котов мне говорил имя. Вроде бы Юсуф. Взрослое, солидное имя. И сам юноша под стать! У него манеры человека, уверенного в себе и своем деле. Помнится, недоросль-Топор был молчун и дикарь, а нынешний Юсуф освоил вежливость, которую носит... как парадный фрак. Хотя для меня, по старой памяти, добавил в голос живых интонаций, даже обозначил волнение: – В кабинете тихо. Наставник молчит уже десять минут. Я отложил дела и пришел. Это опасно. Тишина хуже любого шума.

– Еще бы. Так. Я готова, открывай.

Киваю Пашке, и он пропускает меня, придерживая дверь. Миную порог, спотыкаюсь, замираю и лихорадочно думаю: что способен вытворить Ярkut, если он заводит себя десять минут? Давным-давно, когда он плюнул на землю, проходя мимо нас с Мергелем, он тоже завел себя... но времени прошло многовато, он перекипел до нашей встречи, разрядился. Поругался с жандармами, кого-то пнул, получил ответный тычок в ребра. А встретиться мы часом раньше, едва ему объявили об аресте – убил бы, наверное. Или я сгущаю краски?

В кабинете я сразу, резко уперлась взглядом в Юлию. Мы не знакомы глаза в глаза, но до сих пор связаны тончайшей нитью. Юлии больно, и моя душа отзывается. Ей очень больно. А еще... она яркая. Светится перламутровым теплом, ничего подобного я прежде не видела. Ошеломляющее зрелище. Я сморгнула, тряхнула головой: Юлия не имеет дара живы, почему вижу её так? Быстрый ответ знаю. Первое впечатление родится не от зрения, оно – от души, скоро обычный взгляд погасит краски, размажет картинку, сделает ложной и нерезкой. Я сморгнула еще раз, сияние постепенно угасло, зато в душе высветился ответ.

Без логики и обоснования, но я знала: он – верный. И значит... Я не посмела додумать мысль. Стало бы слишком страшно. А худшего еще можно избежать.

– Якут, – позвала я негромко. Крадучись прошла по ковру, нащупала диван и беззвучно села на краешек. – Якут, это я, Юна. Давно не виделись.

Он сильно осунулся. Кожа да кости... и очень бледный. Глядит в пол. Лицо вижу кое-как, он отпустил волосы, отрастил челку. Даже не кивнул в ответ. Молчит. Стукнуть его, что ли? Меня ведь он не прибьет, наверное. Еще посижу минутку и стукну. Рукой? По плечу? Так об него, об такого каменного, можно ладонь отбить. И душу... Ох, ну что за мысли! Сплошная паника и горечь. Я сказала ему давным-давно, еще в Луговой, что он не умеет прощать. Неужели за два с половиной года ничего не переменилось?

– А вот и барышня явилась, здоровенную сумку принесла. Для извинений, да? – Лицо Якута дрогнуло и противно, нарочито расплылось в улыбке сельского дурачка Яна. – Эй, барышня-а, не мала сумка? По мне так чемодан надобен. Или целый воз?

– Сними дурака. Даже если тебе больно, сними пожалуйста. Ну что ты их натягиваешь, как плащи... это не дождь, от этого не укрыться.

Он нехотя, медленно стер улыбку Яна. Прямо руками соскреб – и мне показалось, он заодно сдирает кожу. Я чуть не вскрикнула. Но – не смогла, дышать стало нечем. И слова в ком сбились, и мысли. Что умное и уместное надо сказать теперь, чтобы два человека не разошлись в разные стороны навсегда: Якут – пить и буянить, а Юлия...

– Ты ведь кукушонок, – вдруг припомнила я. И улыбнулась. – Точно. Вот повезло-то. Настоящий кукушонок. Исполняешь одно желание. Заветное.

– Последнее, – криво усмехнулся Якут и отвернулся, и глянул мимо меня, в окно.

– Оно совсем заветное и самое главное. Мы расстались, так что и последнее тоже. – Я закашлялась, постучала себя по груди, но комок не пропал. Юлия вскинулась, сбегала и принесла воды. Ума не приложу, что с ней приключилось за минувшее время? Стала по-настоящему заботливая... и так еще хуже. Больнее. Пью, а горло остается сухим. Нет, вроде бы комок проглотился. Могу вздохнуть. – Вот мое желание.

Говорю для Якута, а смотрю на Юлию. Нелепо все, неловко... Смолкаю, закрываю глаза и лишь теперь сполна понимаю выползка Якова. Он свел этих двоих ненамеренно, но и не вполне случайно. Он взрослый и умный, он увидел сразу. Это я была глупая! Хотела как в сказке. Рыцаря, и чтобы спас меня, и чтобы любил вечно. Чтобы являлся по первому слову и даже без слов, стоит на него разок поглядеть из окна высокой башни. Я и поглядела из окна, издали... хотя не была принцессой. Зато Юлия жила, как настоящая принцесса, богатая и избалованная. И бросила без колебаний всё, чтобы устроить себе и ему не сказку, а обычную жизнь. Так за что ей извиняться?

Глаза щиплет. Сейчас начну носом шмыгать, а ведь нельзя, я должна высказать свое заветное желание внятно, уверенно. Вдох...

– Якут. Пожалуйста, выслушай. Я хочу, чтобы твой ребенок вырос в настоящей семье, где есть папа и мама, а еще домашнее тепло и доброта. И доверие. Чтобы его не бросили и не предали. Ни его самого, ни его маму. Ты не можешь отказать мне в заветном желании. Нет, не так говорю! Ты не можешь отказать себе, права не имеешь. Вот.

Открываю глаза. Ха! Оказывается, я согнулась крюком, словно у меня болит живот. Вижу ковер. Близко так, внятно... А надо разогнуться. Расправить плечи, на которые давит целая гора страхов. Но я справляюсь – и наконец вижу глаза Якута, и боковым зрением – пятно белого перекошенного лица Юлии. Она сама еще не знала о ребенке! Оборачиваюсь к ней, сразу виновато пожимаю плечами.

– Видно мне, так уж получилось. Может, ребенок с особенным даром? Надеюсь, не в отца, хватит вам кукушек в доме. Не знала, что умею такое заметить. Но знаешь... наверное, это для меня нормально: новая жизнь еще у самого порога, она вступает в мир и как восход...

разгорается, – я объясняю торопливо, никак не могу остановиться. Юлия такая бледная, что, если я замолчу прямо теперь, она наверняка рухнет в обморок. – Понимаешь, вот смотрю и думаю: будет сложно, даже если мое желание сбудется. А если не сбудется, вообще беда. Беда-беда! Когда мы познакомились, Яркут хотел знать, почему кукушки бросают детей. Я почти уверена, что нашла ответ. У них нет выбора. Уходят, когда рушится семья. Уходят без оглядки, хотя им очень больно. Нельзя загадать заветное над родным ребенком, если это – проклятие. Мама не должна делать такого. Кто угодно, только не мама.

Юлия вцепилась в меня и заревела. Я вцепилась в неё... уже и не знаю, двое нас или меньше. Мы год были чем-то целиковым, перепутанным и сплетенным. И вот, опять связаны в узел. Я совсем не хочу, чтобы Яркут сгорая, по-мужски, разрубил этот узел, неудобный всем нам, но очень плотный.

В кабинете, кстати, делается все более шумно. Наши слезы звенят в два ручья, и целая толпа набежала, спасая особняк от потопа!

– Наставник...

– Дядька, врача позвать? Им или тебе?

– Да принесите же капли, хотя бы мои. Кошмарная истерика. Как возможно довести сразу обеих до такого состояния? Ники, иди ко мне и не суетись, они взрослые. Сами разберутся.

– Так. Мало мне одного сумасшедшего дома, во втором дела не лучше. Это особняк Ин Тарри или я все же ошибся? – сухо выговорил мужской голос. – Меня кто-то слышит?

Люди в кабинете дружно смолкли, оглянулись на этот голос, чужой в нашей семейной сцене – и стали рассаживаться. Шум пошел на убыль.

Юлия перестала рыдать и теперь лишь тихо всхлипывала. Не поднимала головы, дрожала – и я обняла ее крепче. Сегодня такой день. Вася назвался братом Паоло, я осталась без любимого призрачного кота и вот, сижу третья не лишняя в семейной ссоре, для меня не вполне чужой. Тоже, вроде, приняла их в дом или к ним прилепляюсь...

Поднимаю голову – и вижу в дверях полноватого человека лет сорока. Голова соображает туго, но я шурю и всматриваюсь: да, тот самый. День бы памятный, вот я и смогла узнать его при новой встрече.

– Вы ведь Егор? Да, тот Егор, который дал нам десять минут... давно. Вы кем-то важным приходите к князю Микаэле, гм... вроде бы управляющим?

– Меня смутно помнят, – Егор сердито развёл руками, прошел и сел в свободное кресло. – Николо, приветствую. Вы-то способны меня опознать без сомнений?

– Безусловно.

Я перевела взгляд – подросток был, конечно же, из семьи Ин Тарри, причем полностью похожий на отца в своем невероятном, солнечном сиянии. Такой же златовласый. Такой же серьезный и собранный. Вот он убрал с лица следы детского испуга – еще бы, такая сцена в кабинете! Сразу стал старше взглядом и манерами – так мне показалось.

– Егор, вы произносите странные слова, но, возможно, к тому есть веские основания, – Николо заговорил ровно и мягко. – Мы все готовы выслушать вас.

– Все? – Егор поморщился и стал кивать присутствующим. – Дарья Ильинична, чей статус мне малопонятен. Яркут, головная боль княжеского рода и лично Микаэле. Так сказать жена Яркута и рядом – так сказать прежняя его любовь... – Управляющий остро глянул на меня, мясистые щеки смяла короткая гримаса гнева. – Кого еще нам пригласить для пополнения абсурдной толпы свидетелей?

– Юсуф, – негромко позвал юный князь. – Ты и Агата, вы нужны немедленно.

Я охнула, звонко хлопнула себя по лбу и виновато сжалась. Да уж, надо сдерживать порывы. Я постараюсь впредь, а пока позволю себе еще одну невоспитанность: быстро улыбнусь Агате – это именно она! Так хорошо, что удалось повидаться. Я за нее боялась, а она стала старше, спокойнее. И над головой нет темного облака: наоборот, вся сияет...

– Я должна сказать, наверное. Паоло здесь, в доме, – сообщила я Агате, смутилась и обернулась к юному князю. – С вашим братом все хорошо.

– Вы приехали вместе? – оживился Николо. – Мне еще не сообщили.

– Он проснулся, сказал, что Вася ему родня, и снова уснул. Он совершенно здоров. И... думаю, пока он не повзрослеет, с ним ничего дурного не случится. У него сильный защитник.

– Васька, что ли? – Яркут кое-как разжал зубы.

Захотелось улыбаться. Он говорит разумные слова, не плюется и не рычит. Я вообще-то боялась, что даже наше пестрое общество не помешает Яркуту вытворять невесть какие глупости.

– Еще кое-кто появился. Искренне сочувствую всем, кто вздумает обидеть Паоло. – Я оглянулась на Юсуфа и улыбнулась Агате. – Дэв. Настоящий дэв.

– Все знакомые мне Ин Тарри соизволили сойти с ума в один день, – сухо отметил Егор. – Буду краток, если меня хоть кто-то намерен выслушать. Но сперва вопрос. Вы, Николо, нанесли отцу визит в половине пятого утра. Он не спал?

– Нет. Я позже расскажу о цели визита и своих выводах.

– Будьте так добры, – Егор стал мрачен. – Мне хочется понять, что могло перевернуть мир настолько, чтобы князь лег после вашего отбытия. Князь! Лег! Спать! Днем! – Управляющий выплевывал каждое слово, будто оно ядовитое. Закончив с этим, зажмурился, перевел дух и продолжил скороговоркой. – Микаэле изволил отдыхать до одиннадцати. Точнее, в одиннадцать часов пятнадцать минут князь принялся орать, как... как безумный. Он выбежал из спальни, в чем был! Причитал, как... перепуганная сельская баба. О каких-то призраках, о покойниках и ветре с той стороны. Велел опечатать верхний этаж. Нет, не так. Он приказал заложить кирпичом проемы лестниц. Это уже делается. Далее... – Егор надел маску покоя и стал говорить ровно, солидно. – Мы общались пять минут. Он отменил все встречи на неделю вперед. Заочно отказал всем, кого намеревался поддержать по новым проектам. Назвал их попрошайками. Хотя сам же оплатил доставку этих людей в столицу. Уволил утреннего секретаря. Нет, не так: Лука Ильич внезапно попросил об отставке и получил ее со словами «мне не нужны прыщавые выскочки». Сразу после инцидента особняк покинули еще два секретаря.

– Удачно, мне критически не хватает людей. Юсуф проверит их и пригласит сюда, – Николо осторожно глянул на Яркута. – Дядька, ты как? Ты расскажешь Егору о происшествии или я?

Новый взгляд на Яркута обнадежил меня. Лицо у него теперь не каменное, а просто усталое. Он разумен и даже рассудителен. Морщится, трет ключицу. Заметил, что я наблюдаю. Криво усмехнулся.

– Тянущая боль, кукушье проклятие в действии. Ты загадала желание, которое будет доносить меня всегда. Довольна? – Яркут перевел взгляд на Егора. – Ники, отдыхай, я скажу сам. Полезно выговаривать вслух то, что гнетет тебя... меня. Трудно понять и поверить, но я стараюсь, и, когда говорю, получается чуть ловчее. Итак, Егор, дышите глубоко и не падайте в обморок. Князь Микаэле сейчас отсутствует в собственном теле. Тот, кто ночью захватил его личность, нацелен на имущество и власть семьи Ин Тарри. Если я верно понимаю замысел брата, он добровольно отдал врагу личность в обмен на жизнь Паоло. Враг думает, что победил. Для него суть дара Ин Тарри в крови и имени. Он верит, что сможет стать вполне Микаэле, всего лишь «надев» его тело.

– Яркут, вы сами себя слышите? Это же бред, – осторожно предположил Егор.

– Бред, согласен. Но всем нам придется в этом бреде как-то выживать. Мне в первую очередь! Егор, посудите сами: я умудрился выбрать в жены Юну, причем больше рассудком, чем сердцем. Затем полгода состоял с ней в плотных отношениях, не замечая, что в ее теле помещается личность Юлии. Далее я умудрился выстроить отношения с Юлией, влюбился всерьез, но не узнал ее в ее родном теле, – Яркут уронил голову в ладони и долго молчал. Снова

выпрямился, глядя на Егора и избегая нас с Юлией. – Более года я жил в бреду. Очнулся, но мне смертельно дурно, я схожу с ума от недоумения: кто кого предал? Я – Юну? Юлия – Юну? Юлия – меня? Или же я – их обеих... ведь невозможно так мало знать своих женщин.

Николо достал тонкую папку и передал Егору, шепнув, что в ней отчет Курта и его людей по нашему с Юлией случаю. Управляющий быстро пролистал, хмурясь и временами плотнее сжимая губы. Впрочем, меня не волновали его переживания. Куда важнее иное: Юлия наконец решилась поднять голову. Вот уж кому досталось! Мало ей пытки – сама ведь рассказала о подмене тел! Так еще и истерика при всех, и новость о ребенке, и никакого уединения... и Яркут на неё не смотрит.

– Господа, – Егор отодвинул папку. – Но это же не семейный скандалчик. Подмена старшего князя Ин Тарри может стать началом мировой катастрофы, я выражаюсь ничуть не фигурально. Торговая война неизбежна, я мысленно уже принял это. Но общая картина теперь далека от покоя. Как бы нам не скатиться к войне полного... формата? Мы не можем громко объявить о краже личности его светлости с такими слабыми доказательствами. Значит, не ограничим дееспособность ложного князя, не объявим его самозванцем. Но разве допустимо позволить ему менять устоявшийся баланс интересов? Мы не готовы начать переговоры с ним, ведь это иной человек с иными целями и методами, но с теми же ресурсами. В итоге... Это война. Увы, я говорю как официальный представитель властей Самарги.

– Егор, не стоит обострять. Просто переходите ко мне на работу и пишите отчеты обо мне, – в голосе Николо скользнула взрослая ирония. Юный князь стал серьёзен. – Егор, самозванец не натворит ничего воистину большого и опасного. Он по крови, по духу и уму не Ин Тарри. Отец поступил с собою крайне жестоко. Но еще более жестоко он поступил с врагом. Вы-то знаете, что завидовать жизни моего отца можно лишь издали. Никто не выдержит нагрузку, которую нес он. Его деньги обращаются со скоростью и ритмичностью, непосильными для контроля кем-либо еще. Даже мне сложно, хотя папа учил меня, я все лето вращался в наши основные проекты и уже освоился с базисом фамильного дела.

В кабинете стало тихо. Юлия шмыгнула носом и чуть отодвинулась: осознала, что мы сидим обнявшись, и смутилась. Зря. Я снова притиснула ее к плечу и не отпустила. Посмотрела на Яркута. Он пока не выбрал линию поведения и глядел мимо нас. Но – без злости. Наоборот, казался потерянным и виноватым. Что-то новое, я не помню у него такого выражения лица. Научился прощать?

– Никто не заменит Микаэле, – шепнула Даша. – Я вела всего лишь малую часть его дел, и меня всегда поражало, как много он помнит, как точно и быстро переключается с темы на тему.

– Даша, и я о том же! – оживился Николо. – Папа решил сломать спину врага грузом золота. Оставил письмо с указаниями. Из-за этого утром я отвез слиток самозванцу. Едва он взглянул на золото, стало совершенно ясно, это не отец... Я торжественно отдал слиток, объявил, что исполнил его же задание. Что сам заработал золото, и вот, с благодарностью дарю. Что прошу его лично установить слиток на вершину горы подобных и тем замкнуть пирамиду. Он спустился в подвал, долго и жадно глазел на золото, отец для такого случая заранее заготовил тонны две. Пока он...

– Значит, я слышала настоящее имя самозванца, или же это было одно из его имен, – шепнула Даша. – Михель Герц. Верно? Это имя шептали ночью в туевом лабиринте.

Я кивнула. Юлия тоже кивнула – и мы переглянулись с некоторым удивлением –слишком уж получилось согласованно. Мы не сговаривались, и нам не потребовались слова. Самое странное: нас не встревожило умение общаться без слов. Наоборот, Юлия улыбнулась и уткнулась в мое плечо. Спокойно, как будто мы не чужие. И я ощутила ответное умиротворение.

– Пусть так. Мне удобнее называть его именем, отличным от папиного. Пока Михель глазел на золото, поправлял слитки, чтобы пирамида стала идеальной, я натянул и перехлест-

нул нити его жадности. Выполнил один из самых аморальных ритуалов рода Ин Тарри: надел на врага золотой ошейник. Михель одержим золотом, я видел это в нем. Что ж, теперь его одержимость абсолютна. Могу предсказать в точности, чем займется новоявленный князь. Потащит в подвал, поближе к пирамиде, все золото, до какого дотянется. Постарается сложить новую пирамиду, больше и выше. Наймет людей для охраны. Привыкнет подозревать в подготовке покушения всех, даже садовых птичек.

– Кошмар, – выдохнул управляющий.

– Да, сперва будет много шума, но, Егор, вокруг нас столько сплетен, что мир проглотит и эту, не подавившись. Не преувеличивайте нашу значимость. Всего-то и скажут: князь помешался на золоте, – Николо поморщился. – Перебирайтесь в этот особняк, я серьезен. Время, мой дар и ваш опыт, вот что поможет заново сбалансировать ситуацию. Я буду вынужден жестоко встряхнуть биржу, выводя в безопасное состояние проекты, которые надо поддерживать, ведь он станет изымать средства и обращаться в золото. Сразу предупреждаю, дом Дюбо замешан, я не оставлю их поведение без ответа. Найзеры тоже станут играть активно, они издревле склонны искать мистическую выгоду... Я буду действовать, сохраняя хладнокровие. Обещаю. Семья Ин Тарри – очень старый столп стабильности мира, я знаю свою ответственность. Егор, решайтесь. Без вас, не исключая, мне придется свернуть дела и покинуть Самаргу на много лет. Я бы не хотел. Я очень переживаю за отца.

Егор некоторое время молчал. Затем осторожно уточнил, как скоро он должен дать ответ. Немедленно, то есть пока его самого не попытались подменить? Управляющего чуть не перекосило от таких слов. Он принял, как горькое лекарство, новую папку с бумагами и прочел их, морщась и ослабляя шейный платок. Оглянулся на Дашу. Взялся втолковывать ей что-то умное о риске обескровить экономику и подорвать стабильность власти, спровоцировать кризис в правительстве... Я старалась не слушать, я молчала и задыхалась! Теперь Юлия успокаивала меня. Она кое-что понимала, ей было не так душно в капкане чужих рассуждений. А я потерялась. Почему история с подменой тел вдруг угрожает перерасти в войну? Отчего наше правительство должно оказаться в кризисе, если оно и без князей Ин Тарри умудряется наворотить горы глупостей в любой день, а после никак за них не отвечает?

Все, отвлекаюсь от непонятного. Смотрю на юного князя – а над его головой копится знакомая тень. Тускнеют и золото волос, и яркость улыбки. Прежде туча дел угнетала Микаэла. И только Яркут мог отстранить ее, пусть ненадолго...

– Как станем искать Мики? Все же вы узнали о происходящем прежде меня, и времени имели достаточно, – резко выговорил Яркут. Он вроде бы спрашивал всех сразу, но глядел на меня. То ли злился, то ли пробовал поверить в мою полезность.

– Он наверняка не ранен, не отравлен, – залепетала я. Ну чего он так смотрит? – Князь для самозванца донор, от его здоровья, душевного и телесного, зависит здоровье того... второго. Юлия, как долго ты ощущала меня после подмены?

– Плотно – дней десять, – задумалась Юлия. – А после стало отпускать. Мне чудились обрывки слов, отблески картин... это было настоящее безумие, оно очень угнетало.

– Зато мне как донору, – я задумалась, вспоминая свои ощущения, – перепало меньше странностей. Первое время я плохо спала, изредка мелькало что-то... было похоже на двоение в глазах. Но внятных картин не являлось. Сейчас вот что важно: самозванец знает, где его донор? Настоящий князь все еще в имении?

– Нет, – сразу отозвалась Даша. – Если ночные указания по поводу старика исполнены в точности, тогда Микаэле выброшен из кареты в глухом пригороде. В чужом теле. Без денег, документов и памяти. Боже, какой ужас.

– Боже, какое счастье, – у меня проявилась кривая усмешка, как утром при виде мерзавцев, зарубленных Яковом. – Он свободен. Делайте что угодно, лишь бы его не нашли те, другие. Донора отпустили сгоряча. В припадке золотой эйфории, наверное.

– У самозванца было мало людей в имении, – предположил Юсуф, молчавший до сих пор. – Их спровоцировал старший хозяин. Он сам подсунил возможность подменить себя. Беда: ему тоже не хватило времени для подготовки отступления.

– Михель не сможет видеть глазами отца и так искать его, – осторожно предположил Николо. – Михель теперь крайне увлечен золотом в подвале! Папа сказал однажды, что мы, Ин Тарри, рабы божьи. И, если не исполняем свой долг, делаемся рабами куда менее значимого господина, нежели Бог. Нынешнее состояние Михеля сродни одержимости.

– Николо, я сегодня же переберусь в «Астру глори», – решил Егор. Искоса глянул на Дашу. – Непременно прослежу, чтобы ваш брат благополучно добрался.

Я осторожно постучала Юлию по локтю и взглядом указала на дверь. Она кивнула: да, уходить можно и даже нужно. Я совсем собралась тихонько сгинуť...

– Юна, вы остаетесь в особняке, это не обсуждается. И прямо теперь я не отпускаю вас из кабинета, – юный князь обвел взглядом присутствующих, – наоборот, прошу остальных удалиться.

Как ни странно, все послушались сразу же. Словно Николо не просил, а приказывал! Я выдохнула сквозь зубы, огляделась. Ночь и день – как целая жизнь! То летаю на самолете, то за порог смерти с косой бреду, то в княжеский особняк вваливаюсь без приглашения... чтобы меня не отпускали.

– Вам сложно, понимаю. Мне не проще. Люди, отчаянно желающие попасть в этот кабинет, ничуть не ценны. Увы, самые дорогие и важные норвят отсюда сбежать, – Николо прошел к малому столику в углу, налил воды из хрустального графина. Подал мне стакан. Сел напротив, плотно сжал кулаки и уложил на колени. – Мне не с кем обсудить происходящее. Юсуф поймет, но не ответит. Яркут ответит, но не теперь, он потрясён новостями. Даше еще хуже, чем мне. Остаетесь вы. Вдобавок лишь вы знаете относительно точный ответ. Вот вопрос, дайте подумать о формулировке... очень страшно стать донором? И телесное здоровье: оно страдает?

– Ритуал прост, сменить тело не больно и даже не очень страшно. Когда это проделали со мной, я испугалась, но я вообще трусиха. А так... нет, перенос личности не ухудшает самочувствия.

– Тот старик... боюсь говорить вслух, но вдруг самозванец охотно бросил прежнее тело из-за его плохого состояния? Я обеспокоен. Юна, когда вы попали в больницу, вас донимали болезни Юлии?

– Подмена принесла пользу нам обеим. Ее тело лечилось быстрее и успешнее как физически, так и душевно. Улучшения оказались долгосрочными. Я теперь лучше вижу: зрение прежней Юны было весьма слабым. После вторичного обмена Юлия научилась понимать боль людей и заботиться о них. Прежде не умела.

Николо прикрыл глаза и долго молчал. Понять мысли этого существа мне не дано. Сколько ему лет? Смотрю – и кажется, он не больше человек, чем Дымка. Он слишком взрослый, и, когда глубоко уходит в свои мысли, слегка светится... хотя вряд ли многие люди способны заменить его сияние.

– Вы знаете Якова, – отметил Николо. Добавил тише: – Выползка Якова.

– Да. Очень хорошо знаю. То есть не очень... он свихнулся, что ли? Направо и налево трубит о своей сущности. Васька знает. И Юсуф тоже, а уж Агата не может не видеть, она особенная. Придурок! Ну какой мне был смысл тащить его в жизнь, когда он норовит убиться всеми силами, каждодневно!

Я осеклась и даже прикрыла рот рукой. Хотя чего уж там. Наговорила многовато. Николо вон – выслушал, щурясь от смеха.

– Вы верите ему, – это был не вопрос, Николо кивнул и продолжил: – И я верю, безоговорочно. Мы общались. Яков бывал в особняке трижды. Сразу, в наш первый разговор, он

передал папку с исследованием вашего и Юлии дела о подмене. В последнюю встречу сказал... тогда я не понял, зачем это было, о чем... Он сказал, что по его мнению исходный смысл ритуала древних по обмену душ – в лечении этих самых душ и еще, возможно, тел. Обмен мог быть крайним средством. Но люди, как обычно, обратили благо в пользу. Вы согласны с идеей? Как донор – согласны?

– Для нас с Юлией все так и вышло, пожалуй. Да, лечение души и тела. Это важно?

– Очень. – Николо осторожно улыбнулся. – Я в смятении. Хочу поддаться порыву и искать отца всеми средствами, но сознаю опасность такого безрассудства. Вы дали мне возможность взглянуть на ситуацию со стороны. И я решил пока не искать папу.

– Вряд ли я сильно помогла.

– Очень помогли. Вот каков мой страх: если два тела расценивать как сообщающиеся сосуды, то при обмене один из них опустеет. Само понятие «донор» предполагает утрату для дающего. Но вы, Юна, поделились с Юлией своей душой, и не потеряли ничего. Не исказили свой духовный стержень. Мой папа обладает сильной волей. С другой стороны, его враг опытен и беспринципен. Контраст их жизненных ценностей дополнен несходством телесного возраста. Но я верю отчаянному решению отца. Он всегда щедр. Его щедрость всегда не слепа и не бессмысленна.

– У вас замечательный папа, – согласилась я. – Мы виделись однажды, но мне хватило короткой встречи, чтобы понять его уникальность.

Николо расслабил кулаки, встряхнул руками и некоторое время сидел, склонив голову и пристально, с легким неодобрением изучая свои ладони, спокойно лежащие на коленях.

– Юна, еще один вопрос, неотложный. У вас осталась обида к моему дядьке? Я могу убрать ее? Все же духовная щедрость причиняет боль и наносит раны. Возможно, вы отдали Юлии и моему дядьке слишком много доброты... именно сегодня.

– Делиться не больно, мне самой стало легче. Но, если говорить о компенсации, – яглянула прямо на юного князя и усмехнулась деловито, даже жадно. – Велите вашему волшебному садовнику быть терпеливым к назойливой барышне. Хочу копаться во всех и любых клумбах! Хочу спрашивать про семена, сорта, подкормку. Хочу жить в саду.

– Это совсем просто устроить, – улыбнулся Николо. – Я распоряжусь. Можете полностью обновить цветники, если пожелаете.

Ох, что со мной? Сейчас лопну от гордости! Оказывается, амбиции мне не чужды. Устроить клумбу в особняке князя Ин Тарри – такой случай выпадает раз в жизни. Пусть подавятся всякие там Дюбо, эти жалкие губители весны, не умеющие оценить настоящие замыслы Дэйни и Рейнуа. Уж теперь я развернусь! С такой мыслью я развернулась – и удалилась. Почти бегом... Было немножко стыдно: веду себя, как ребенок. И еще где-то в недрах сознания копошилась нелепая мыслишка: хочется отослать набор семян и рисунок клумбы Мергелю... он-то тут при чем?

–

Выползок, первая жизнь. Волчонок

Родной дом стоял на сваях над рекой. Лодка помещалась под домом, как конь в стойле... Он любил думать, что лодка и есть речной конь, норовистый, но послушный отцу. Он помнил отца огромным, косматым и могучим, как медведь. Иногда видел его такого – во снах. И не мог понять, очнувшись, кошмар это или отблеск счастья. Прошлое ведь не вернуть. Прошлое – мокрый пепел на воде и черные сваи, торчащие по-над берегом...

Когда бешенный пожар ночью прилетел из леса на крыльях злого ветра, он был дома один: отец ушел проверять ловушки. Он поздно проснулся, кругом был сплошной дым. Он лег на пол и пополз. Обмотал голову мокрым полотенцем, спустился на настил у воды. Нащупал лодку, напрягся – и с третьей попытки спихнул в воду, толкнул изо всех сил – подальше, на главное течение. Поплыл рядом с бортом, держась за веревку. Дом горел и удалялся. Лодка покачивалась и замедляла ход, наполняясь водой. Неуправляемая лодка, не способная держаться на воде: отец не успел просмолить и законопатить днище.

Тот год был жаркий и сухой, даже ночи полнились смолистой духотой. Над рекой гудел пожар, и казалось, кедровый воздух плавится и полыхает в легких, кожа лопается на щеках. На обожженном берегу реки ярко, словно настал неурочный день! Камни глянцевые от жара, река только что не кипит, белый туман мешается с черным пеплом и серым дымом...

Лодка быстро утонула, а он спасся: ниже по течению начинались пороги, втиснутые в каменную узость.

Он всю жизнь помнил, как жутко было плыть в черной горячей воде, как больно было дышать раскаленным воздухом, как страшно было остаться в кипящем котле реки – совсем одному... И все же он упрямо терпел страх и медленно пробирался к берегу, к каменным отмелям, неподвластным пожару. А затем, когда огонь ослаб, побрел вверх по течению – по пояс в воде, вспененной и серой от пепла.

К рассвету пожар сожрал на берегу все, до чего смог дотянуться. Стало можно дышать, и он выбрался на черный от сажи песок. Пошел, а затем побежал. Сердце выпрыгивало из груди. Если отец уцелел, он теперь спешит к дому. Он опытный и сильный, должен уцелеть!

Он надеялся, звал... эхо онемело – на пепелище ничто не желало отзываться и повторять слова. Отец не пришел, не откликнулся, не подал знака.

Весь тот жуткий, бесконечно длинный день он бродил по берегу, не сознавая себя, и говорил вслух. Спрашивал у леса: ведь ты не сам загорелся? Третьего дня мимо дома проходили люди города, я дал им хлеба и вяленой рыбы, я показал им тропу на перевал... Зачем? Люди города – худшая из бед. Они беспечны и равнодушны, они уверены, что мир целиком принадлежит им, и всем в этом мире можно и нужно пользоваться без меры, без бережливости.

К ночи от потерял голос и перестал звать отца. Понял, что не сможет ни найти тело – ни доказать себе, что отец жив и просто... заплутал.

Отказавшись от новых поисков, он старательно вымылся, усилием воли заставил себя думать о насущном. Он один на один с мёртвым берегом. Без

обуви, в рваной рубахе. Нет пищи, нет даже ножа. Он пытался рыться в головешках на месте дома – и зря. Ничего не добыл.

Придется голодать. Если бы нашлось хоть какое оружие, он упрямо побрел бы к перевалам, вслед за горожанами. Чтобы отомстить. Ведь они ушли в каменные верховья и наверняка выжили, убив лес, отца... Но без ножа не отомстить. Он еще мал. Без ножа остается лишь разумное и безнадежное – брести вдоль берега вниз по течению и врать себе: я вырасту, найду их и отплачу. Вырасту и найду. Вырасту... Выживу для начала.

Прежде он видел мало людей. О большом поселке лишь слышал от отца. Мол, туда идти семь дней без отдыха, и придется спуститься вдоль порогов, по скалам. Трудно... Он шел гораздо дольше – от рождения луны и до ее смерти... За это время стал похож на призрака, так исхудал.

Люди в поселке не испугались «призрака», но и не сжалились. Очень быстро, в несколько недель, он узнал: когда люди живут кучно, они не заботятся друг о друге. Доброте нужно выделить место в душе и в мире, а вот злоба куда более живуча, она яростно и упрямо занимает любое приглянувшееся место. Собаки, и те подстраиваются: в лесу – виляют хвостом и радуются свободе, а здесь до рвоты лают из-за забора, роют землю и жаждут вылезти, порвать! Любого. Всегда. Не потому, что голодны – как раз от сытости.

За лето он возненавидел поселок, научился приворовывать, рыться в отбросах и терпеть побои. Зиму он бы не пережил... Но пришел старый охотник, таежный человек. Обменял шкуры куниц на соль, крупу и ткань. Долго сидел на бревне у крайнего дома, грелся на солнышке, прикрыв узкие лисьи глазки. Затем что-то для себя решил, кивнул.

– Ну, сам думай, со мной или тут, – сказал негромко и пошел в лес.

Решать не пришлось. Он побежал за охотником прежде, чем понял человеческим умом смысл сказанного. Ему хватило звериного чутья, чтобы знать без сомнения: это последний и единственный выход из ловушки.

Хорошая была зима. Счастливая. Вот только весной охотника убили. Люди города, кто еще? Не повезло старому найти залежи «земляных костей». Охотник, отколол один кусочек, показал в поселке торговцу и узнал от него название – бивень. И пообещал принести еще, ведь «в том месте» их много, так много, словно это не бивни, а поваленный бурей лес. Далеко ли то место? Рядом. Пять дней пути.

Охотник сам отвел своего будущего убийцу, сам показал ему ущелье. Сам устроил привал, пригласил разделить пищу... и умер от удара в спину.

За зиму сирота-погорелец окреп и подрос. Теперь у него был нож. Убийца доброго старика, которого он мысленно учился звать отцом, стал первым человеком, чью кровь он выпустил из жил. На сей раз он не кричал до хрипоты и не разговаривал с лесом, как в ночь после пожара. Убил – и сел молча, сосредоточенно. Обдумал важное: кто знал о походе, как сбить со следа погоню, куда спрятать тело. И еще, не менее важное: где можно прямо теперь застать таежных людей, дальнюю родню охотника.

Он явился на стоянку таежных людей, как призрак – худой и оборванный, с горящими злобой глазами. Он вдруг понял: родной дом стоял недалеко от ущелья с бивнями. Прошлогодний пожар мог быть вовсе не случайным!

Его накормили и выслушали. Позвали старую кукушку. Затем вожда, мудрых стариков. Долго думали. Наконец, кукушка сказала: город не отступится. Если все верно, если из-за бивней сперва горел большой пожар, а после умер человек, дело плохо. Не один торговец слышал про ущелье. Жадность города велика, вон как она шумит в кронах кедров! Надо собирать артель, как делали таежные люди уже трижды, изживая беды. Без артели, силами одиночек, не одолеть беду.

Так он впервые услышал это слово – «артель». И сразу получил поручение от таежной артели.

– Ты по виду – человек города, – решила кукушка. – Должен помочь, никто другой не справится. Иди в город. Не в ближний, а в дальний, совсем большой – там, за озером. Иди и узнай, зачем городу нужны кости земли, в чем их ценность. Ты должен справиться. Даже артелью нам не одолеть беду, не зная ее примет и повадок.

В тот год ему исполнилось девять. Он ушел в большой город совсем один, но знал: за спиной – тайга и её люди. Он шептал слово «артель» и радовался: волшебное, теплое. Как семья. С этим словом исчезает одиночество. Прирастают силы. Жизнь получает смысл, наполняется...

Он шел и еще не знал, как далеко заведет его многозвучное слово, способное в мире города изменяться до неузнаваемости.

Он быстро вызнал нужное – про бивни, которые ценятся на вес золота, если они целиковые. Он выследил шайку злодеев, готовящих поход в горелый лес. Ему помог иноземец, гость города. Добрый человек, который принял «лесного волчонка» – с распростертыми объятиями. Помог с жильем, рассказал о важном. Дал денег, чтобы волчонок смог накормить сирот, брошенных всеми взрослыми злого города... Сам купил им одежду. Бескорыстный иноземец легко отпустил волчонка в лес, с вестью для таежной артели. Он был опытен и знал: мальчик вернется. Сироты города, которых он однажды кормил, ждуют его...

Когда волчонок вернулся, пришло время сказать важное: в тесном, гнилом мире городов тоже есть артель. Эта артель добывает золото, чтобы кормить детей. И очень далеко, так далеко, что пешком не дойти за год, есть место, где золота – горы! Там живут злые люди, отнявшие золото у целых городов, земель и стран. Они могущественны, у них есть охрана, их дома – каменные, выше леса! Но, если бы волчонок, который знает лес и способен запутать любой след, присоединился к справедливой охоте городской артели, дело бы сладилось. Он ведь не один, у него уже сейчас есть помощники – такие же как и он сироты. Дети, достойные права жить, а не выживать!

Ради исполнения справедливости он долго учился полезному – бою, языкам, погоне и бегству, тайной передаче посланий. А шесть лет спустя оказался далеко-далеко на западе, в мире без настоящего леса, без свободы и радости... Он еще не знал, что будет дальше. Не ведал, что получит новое имя – Локко. Что в свои шестнадцать он станет уже не волчонок с молочными зубами, а сильным и хитрым зверем-вожаком.

У него будет своя стая! Сироты, которых он назовет «гнездом», подразумевая, что они – именно стая, сбитая из зверья ради большой охоты. Так ему будет казаться в его отчаянные шестнадцать лет.

Глава 2. Бродяга в ночи

Распоряжение для внутреннего распространения в тайном сыске

«...есть все основания полагать, что ряд крупнейших денежных семей не просто создал информационные каналы тайного и спешного сношения, но и формирует полноценные шпионские сети. Две из них весьма активны на территории страны. Есть и иной опасный признак: сращивание интересов этих семей с храмом, активизация религиозных фанатиков, обострение противоречий меж конфессиями, переходящее в территориальные и имущественные споры.

Похожие действия финансовых домов Старого Света были замечены полвека назад, перед «Конфликтом пяти», унесшим полтора миллиона жизней наших с вами соотечественников и создавшим колоссальную брешь в бюджете Самарги. О потерях во внешнем влиянии и большой политике умолчу. Во что выродились Кряжевы, тоже знаете. Прямо скажу иное: господа сыскари, не ловите мелкую рыбку в сей мутной водице. Хотите узнать причину – сходите в архив, полистайте список коллег ваших, погибших в том конфликте. Мздоимцы погибли наравне с бессребрениками. Пуля, господа, – та еще дура, а штыковая атака и вовсе не для тайного сыска придумана.

Вас будут вербовать, перекупать и изводить под корень. Все это не новость. Но быть осмотрительнее – советую. Мы – сыск, наше дело не политика, а порядок и покой, в первую очередь – в столице и иных крупных городах.

Далее. Мною получены из трех независимых источников списки наемных живок, обученных проклинать, причинять иной ущерб здоровью и делам. Пока совершенно нет понимания, с какой целью и кто именно собирался использовать их. Списки изъяты у слуг домов Дюбо, Найзер и, по косвенным данным, Эббарт, хотя они-то уж конечно посредники, а не приобретатели выгоды.

В связи со сказанным настаиваю на еженедельном контроле личного состава на предмет вредоносных плетений. Особенно важно выявлять узоры слежки. Живкам сыска быть бдительными. Старшим по округам – быть бдительными дважды.

Клим Еришов, тайный советник»

– Сволота! Всех со свету сживу, вот вы где у меня, вот... Еще дай, чего жмёшься? Я ж умер, умер я, сдох, всё! Добили, на костях сплясали... выродки. Мертвому не надобны денежки, а? Во, пусть выкусят! Всё пожгу. Всех по миру. Еще дай. Еще! Что за шум? Курьерский воег? Час до полудня, значит. Пусть заткнется. Всем молчать! У меня ж душа болит, а они...

Страдалец с больной душой зарычал, выгибаясь дугой, заматерился... и паровозный гудок иссяк. Можно было подумать – от испуга. Еще бы: выл и матерился не абы кто, а сам купец второй гильдии Степан Щуров, слепой спьяну и неумный до остервенения. Огромный, грузный, в волчьей шубе не по сезону.

Пока Степан оставался трезв, ему кланялась вся округа, искренне уважая и еще более искренне побаиваясь. Во хмелю его старательно не замечали, тем более специальный поверенный того же Степана щедро платил пострадавшим и прилагал силы, чтобы поскорее доставить купца домой, ограничив его буйство просторами родных стен. Но нынешнее состояние богатейшего человека станции Переборы давало повод к мысли: не зря он тут обосновался. Уж перебрал, так перебрал! Начал еще пятого дня, и вот, дошел до края, взялся крушить и громить дома подряд, как шел по улице. Перепуганные городовые оказались в безвыходном положении. Заманили буяна штофом водки в арестантский сарай – да и заперли дверь. Подумавши толком, подкатали вплотную телегу, груженую дровами. Было это, если верить вокзальным часам, полсутки назад, сразу после полуночи.

Штофа водки Щурову хватило на три глотка. Затем Степан осознал и тесноту сарая, и полное отсутствие новых запасов спиртного – а ведь говорили, здесь склад, пять возов груза, идите да проверьте... «У, прощелыги!»... Первый мощный удар сотряс сарай. А дальше стало вовсе жутко: стены шатались и гудели, бас купца приводил в дрожь и стекла окон, и жильцов за этими стеклами. На прилегающих улицах люди всерьез задумались о бегстве... Городовые беспорядочно метались, но, увы, их премудрое начальство усердно не замечало происходящего и указаний не слало.

Щуров всеми силами рвался из заточения. И не было ответа на вопрос, как же быть: выпускать его – или наоборот, подкатить вторую телегу для надежности? Пьяный купец страшен, не зря дано ему прозвище – Бычий глаз. В гневе сам наливался бурой кровью, а окружающим ставит синяки характерной формы. Да уж, остановить раззадоренного Щурова не проще, чем племенного быка... Но пьяный Степан хотя бы малосознателен. А каков он сделается, протрезвев и обнаружив себя в одном сарае со всевозможным отребьем?

Вот зазвенел разбитый штоф, хрустнули доски дубового, добротного пола, загудели бревна стен... И вдруг стало тихо. То есть Степан орал временами, но недолго и не в полную силу. Стен не атаковал, дверей не выламывал.

Жандармы затаились. Собаки притихли. В домах окрест стали гаснуть огни... Только вблизи сарая горели фонари, шелестели голоса и шаги. На рассвете служивые люди решились заглянуть в слуховое оконце. Увидели в углу плотно сбитую кучу тряпья – арестанты дрожали и вжимались в стену! Все они были – привокзальные нищие и мелкое ворье, таких Степан мог покалечить, даже поубивать, ему бы, вероятно, сошло с рук... Люди знали и старались не привлекать внимания, даже дышать пореже.

Сам Степан лежал навзничь в другом углу, иногда рычал и ругался, но в основном... говорил. После смолкал и – разве такое возможно? – слушал. У купца имелся собеседник. По виду – обычный привокзальный попрошайка, вот только почему-то с ним купец охотно общался, хотя в предшествующие пять дней изукрасил синяками и отправил в больницу с переломами всех, кто пытался вразумить и урезонить или просто не успел убраться с пути Бычьего глаза.

Собеседник Степана оглянулся, едва его окликнули. Попросил передать рассол, свежие полотенца и воду для умывания. Пообещал, что купец скоро сделается разумным существом... В эту сказочку никто не поверил, но запрошенное было немедленно доставлено и протиснуто в слуховое оконце. С тех пор Степан орал все реже и тише. И жители Переборов встречали рассвет с надеждой. Кажется, их не пожгут хотя бы в ближайшее время, их даже не лишат работы: именно склады Щурова, его контора и его пошивные фабрики превратили Переборы из жалкого сельца в процветающую станцию с претензией на звание города.

– Как полагаете, не стоит ли защитить рассол патентом? Магическое средство, – собеседник Степана негромко рассмеялся.

– Рассол есть достояние народа. Нельзя лишать людей средства первой небоб... неходимости. Тьфу, я ж не дурак, могу выговаривавы...

– О, сложные слова несут огорчение. Скажу больше, они не помогают передать главное. Краткость и емкость мата порою делает его незаменным. Однако же в вас чувствуется воспитание, вы даже во хмелю избегаете сгущать краски.

– Во-во, избегаю, – гордо согласился купец. – Помоги сесть. Голова моя... ой голова, на кой ты такая крепкая? Долбанули меня вот сюда третьего дня, вроде бы верно помню. Не проломили, зато раззадорили. Ну и я и... Н-да. Так говоришь, выход есть. Мошенник ты, но мне приятно слушать. Еще повтори.

– Может, и мошенник. Но выход непременно найдется.

– Имя бы назвал. Я вот представился... тьфу, так вроде о покойниках говорят. Я назвался.

– Степан, для меня честь общаться с вами. Я был бы рад назвать свое имя, но я не помню его. Собственно, я ничего не помню. Это настораживает и даже обескураживает.

– Я б со страху обделался, – шепотом сообщил купец. – Имя-то что. У меня дети. У меня дело. Я слово давал... и все забыть?

Степан сощурился, с трудом приподнялся на локтях и уставился в свет, бьющий из оконца. Закрыв его вытянутой рукой, выругался. В окошке смущенно засопели.

– Эй, он мошенник?

– Не знаем. Без документов он. Вроде ошибается туточки дня два, а то и три. При станции, то есть. Ну мы и... до выяснения.

– Кабы они еще и выясняли, заперев людей без причины, мир бы стал раем земным, – трезво и грустно сообщил собеседнику Степан. – Но мир, зараза, несовершененный... тьфу.

– Ничего страшного, он и такой неплох. Степан, вас ждут дома. Это уже плюрик в мировом балансе.

– Ну, вроде того. Эй, служба!

– Туточки, Степан Фомич.

– Дверь открой. Меня дома ждут. Мошенник со мной. Документ пришлешь. Имя ему одолжу лично. Первого моего управляющего, он еще при батюшке служил, звали Лексеем Боровым, он тутошный был. Вот так и запиши.

– А...

– Бэээ, – запрокинув голову, басом проблеял купец. – Поспеш и обрадуй меня, пока я в уме. Я ж вечером окончательно решил спалить склады мануфактуры к той самой фене... гм. В горле пересохло.

– Пейте. Зачем же труд людской жечь?

– Лексей, а что делать? – раздумчиво вздохнул купец. – Пожгу, и пеплом станет воровство сыновье. Не пожгу, всё о том воровстве узнаю. Короче, моя душа уже горит, мануфактуру не жалко.

– О, но как же ваше слово? Сами сказали, шелк поставлен вам под честное слово.

– Слово – да, это да... Так вторая гильдия, не первая! И вообще, старомодные правила прошлого века, – неуверенно отговорился Степан. Завозился, сел ровнее. – Хотя конечно... батя мечтал, чтоб я приподнялся. Я пуп рву, вверх лезу, в первой гильдии знакомства завожу, с иноземцами торгую крупно. А родственная вошь грызет мне темечко. Тифозный сынуля, тьфу.

– Степан, есть много способов урегулировать вопрос. Но, покуда вы пьете, никто этим не занимается, им без вас не справиться. И ваша боль не делается меньше.

– Да, выхода нету, – купец уткнулся лицом в ладони. Вскинулся и заговорил трезво, внятно. – Дочь ударилась в святость, муж её – так, одно слово, а не мужик. Пенсне чахоточное. Меня до икоты боится. Ему нищий шляпу подержать не доверит: или обокрадут, или сам уронит. Сын... ну, я тебе порассказал о нем. И что остаётся? Или прожечь, или поджечь. Понимаешь? Дело мое – оно живое, оно мне как рука или нога, отрежу – и что? И стану калекой.

Не отрежу, – купец вздохнул совсем тяжело, со всхлипом, – буду жить под пыткой и глядеть, как уродуют мою денежную руку-ногу.

– Степан, вся ваша безвыходность от того, что вы опустили голову и глядите в землю. Вам надо поднять голову. Решение есть. Оно зреет в вас, при вашей деловой хватке невозможно не найти ответ. Вы строили это дело, значит, вам его и защищать.

У двери загрохотало, поленья звонко посыпались вдоль бревенчатой стены, ушибли кого-то, и он тонко, жалобно завизжал. Фыркнула лошадь. Люди загомонили на много голосов... и, наконец, лязгнул засов.

Полный, румяный начальник станционной жандармерии лично вплыл в сарай.

– Степан Фомич, ну как же вы – и вдруг тут, ну что ж мои олухи оплошали, – не особенно усердно изображая недоумение, выговорил он. – Выходите, неловко-то как.

– Лексею документы. Теперь же. Мне рюмку, одну. Хотя это можно и дома. Казенная водка – дрянь.

– Склады, слух был, под угрозой, – морщась и отодвигаясь, уточнил начальник жандармерии.

– Не сегодня. Я в печали, но шелка жаль, да и слово... он прав, я давал слово.

– Алексей, значит, Боров, так и запишем, – пообещал начальственный голос уже из-за порога. – А отчество?

– Фомич. Он мне как брат, – гулко ударив себя кулаком в грудь, сообщил Степан.

В дверь протиснулись два огромных мужика, поддели купца под локти и бережно понесли или повели – это как глянуть – через двор, к просторному экипажу. Следом двинулся собеседник купца. Он выглядел старым, горбился и прикашливал. У экипажа его нагнал жандарм. Не сам начальник, а его расторопный помощник. Придержал за плечо.

– Документы сделаем. Но прежде желаю понять, отчего он стал слушать вас?

– Он не слушал. Он и теперь не слушает, – очень тихо ответил собеседник Щурова. – Он желает быть услышанным. О, полагаю, он давно нуждается в своем колодце... знаете выражение —« кричать в колодец»? Вот, этим он и занят. Двенадцать часов крика улучшили его душевное состояние.

– Если вы все это знаете, отчего не знаете свое имя?

– О, я желал бы найти ответ! Если меня опоили или прокляли, то мне следует спастись бегством, – задумался новоназванный Алексей. – Сами посудите: я прихожу в сознание посреди привокзальной площади. Утро... совсем незнакомое место, при мне ни денег, ни документов, ни памяти. Я бы заявил о краже своей личности, однако же кто примет такое заявление? Далее: если мою личность украли, мне лучше помолчать и побереечь хотя бы жизнь. Без памяти я беззащитен. Вот до чего я додумался, пока бродил по окрестностям. По совести сказать, я был рад очутиться в этом сарае, меня накормили, над головой появилась крыша... а снаружи шел дождь.

– Звучит не так уж глупо, вдобавок вы не высказываете претензий... особенно при Щурове. У вас будут документы. Но строго под гарантию того, что Бычий глаз не сожжет склады. Он грозит с весны, и ведь не шутит. Если разрешите дело полностью, я прослежу, чтобы в бумагах жандармерии никогда не появилась запись о человеке без имени и прошлого, помещенном в арестантский сарай.

– Вы щедры. О, вероятно, Степан беспокоил многих.

– Он принес пользу многим, мой брат учился на деньги его отца, а племянник моего начальника и теперь лечится у моря на его средства. Но знаете, вся добрая память станет пеплом в один день, если он... Скажу проще. В пожаре я обвиню вас, и вымещу гнев на вас. Это удобно и необременительно.

– Лексей, забирайся, что ты встал, – купец высунулся из экипажа и почти упал, цепляясь за плечи старика. —Я вспомнил, ты говорил, мой сын не обязательно и вор. Говорил же?

– Я говорил, что боль делает нас опрометчивыми. Не исключено, что некто посторонний и коварный намеренно растравил вашу боль. Вы сильный человек, но семья – это ваша душа, он ударил исключительно подло! Вам надо трезво рассмотреть всю историю так называемого воровства: кто сообщал о нем, когда и в каких выражениях? Что предъявлял для доказательства? О, полагаю, вы не дали себе такой возможности. Хотя вы держались весьма хорошо. В столь тягостных обстоятельствах ваше дело не в упадке, товар движется, и, как я понимаю, жалование выплачивается в срок.

– Я держу слово.

– Степан, вы человек большой души. Отчего-то мне трудно поверить, что ваш сын мог воровать, тем более намеренно губить отцовское дело. Если он унаследовал хотя бы отчасти ваше мировоззрение....

– Слово длинное, – упрекнул купец.

– Учетные книги, – так называемый Алексей сменил тему. – Давайте начнём с общей оценки движения денег и товара. Затем выборочно проверим склады. Поговорим с поверенными вне Переборов. Обязательно сделаем все это вместе с вашим сыном. Степан, если он человек вашего склада, у него тоже горит душа. О, как еще склады уцелели в таком-то семейном пожаре, просто чудо!

– Я тебя уважаю, хоть ты наверняка мошенник. Ох и гладко говоришь. Вся столичная шелупонь ровно так выражается. А ковырни ногтем, ихие умности отстают вроде краски на гнилой доске.

Купца втащили обратно в экипаж, его собеседник начал взбираться по откидным ступенькам, кряхтя и вздыхая... споткнулся, покачнулся – и неловко сел на землю. Некоторое время слепо ощупывал колесо и мелкий щебень, которым был засыпан двор. Помощники Щурова всполошились, подхватили гостя под руки, пока трезвеющий хозяин не показал свой бычий нор, не потребовал снова водки и керосина – с этого и началась гулянка пять дней назад.

– Лексей, тебе что, поплохело? Простыл? – всерьез забеспокоился купец.

– Как ни странно, мне стало лучше. В глазах потемнело, это да. И вроде кто-то кричал... почудилось. И время. Такие часы... бронзовые, напольные, – недоуменно выговорил Алексей и показал форму часов двумя точными жестами. – Одиннадцать пятнадцать. И маятник интересный – солнце-подсолнух в янтарной отделке. Туда-сюда, туда-сюда... О, похожее со мной было вчера, примерно в то же время. Странно.

– Поесть тебе надобно, да чтоб пожирнее-погуще. Сам ты маятник, мотаешься туда-сюда, – проворчал купец. – Лексей, я трезвею. Когда трезвею, делаюсь грустен и груб. Скажу прямо. Выслушал меня пьяного – молодец, словчил. Пьяный я делаюсь падок на лесть. Но теперь тебе пора увидеть меня трезвого! Если ты мошенник, беги сразу. Трезвый я мстителен. Ха! Если ты не мошенник, тем более спасайся. Я жду от людей больше, чем они могут дать. Ох, беда, по совести если рассудить, я всеми недоволен. Дело не любят, душою не болят, жилы не рвут. Я накормлю тебя, а после из тебя же все силы работой выгоню. Понял ли?

Экипаж наконец тронулся. Помощник начальника жандармерии недоуменно пожал плечами: первый раз он слышал, чтобы Щуров так прямо высказался о себе. И первый раз видел человека, ничуть не испуганного советом Бычьего глаза, похожим на угрозу...

– Степан, а знаете, меня так и тянет поработать, не жалея сил. Я вроде как заскучал... Но сперва расскажите о сыне, у вас дар к описанию характеров. Он внешне на вас похож? Наверняка вы отправили его учиться, я так и вижу диплом на стене гостиной. О, это может быть... бакалавр Съенского университета? Или же он учился на родине? При вашем сильном характере было бы уместно, если пофантазировать, изучение математики и логики. Такие дисциплины дают личности верное развитие в организованности.

– Дурак из вредности учился в медицинском, из чистой вредности! Лексей, кроме тебя, никому и не понять. Из вредности! Он сказал мне, что выбрал университет, пропитанный спиртом. Он мстит мне и смерти моей желает.

Это были последние слова, которые расслышали жандармы у арестантского сарая. Экипаж, наконец, отбыл. Помощник начальника жандармерии вздохнул с облегчением. Чуть постоял, провожая взглядом превосходный выезд Щурова – его коней и конюхов норовили перекупить в прошлую весну сами Кряжевы! Отвернулся, подозвал дежурного по станции. Уточнил, что известно о так называемом Алексее. Оказывается, нашли у вокзала, без памяти. То ли три дня назад, то ли четыре. Вроде бы кто-то из нищих видел, как старика высадил извозчик. Определенно, извозчик был не здешний, может даже столичный, хотя кто бы поехал в такую даль, да еще ночью? Дорого и без пользы: поезда хотят часто, кому охота тащиться вдоль путей?

– Записи удалить, нищим вправить мозги и выбить память, – велел помощник начальника, обдумав новости. Поморщился и добавил, устраиваясь в двуколке, когда никто не мог его услышать: – Он перешел дорогу кому-то покрепче нашего Степана – Бычьего глаза. Живки в деле, вот на что похожа его потеря памяти. А крепкий сон дается тем, кто мало знает. Так не будем же знать ничего... и удалим его со станции, как только разрешится дельце.

—

Выползок, первая жизнь. Оборотень

Проведя лето в поселке, он решил, что жизнь там нехороша, но, попав в город, ужаснулся куда сильнее: соседи друг друга не знают в лицо и по имени, может ли быть хуже? Но все это было до того, как он создал гнездо, многому выучился у старших городской артели и отправился в дальнюю страну для охоты на злого хозяина золота. Вот уж где жизнь показалась вовсе вывернутой наизнанку, безнадежно изуродованной.

На новом месте пришлось долго таиться, изживать неверный выговор, нездешние повадки – и привыкать к местному укладу.

Земли золотого злодея простирались широко, и всё на этих землях – леса, поля и горы – принадлежало ему. Даже люди! Здесь считалось обычным делом покупать детей и взрослых. И хуже, они сами себя продавали – чтобы выжила семья, чтобы узнать сытость, чтобы не принимать сложных решений и слепо исполнять чужие приказы.

Вообще люди тут селились тесно, возделывали всякий клочок земли. Здешний лес был жалок: всего лишь рощи, плешивые от вырубок, да перелески, любой из которых можно пройти насквозь в два-три дня.

Когда все в гнезде попривыкли к новому месту, пришло время перебраться ближе к замку. Время было подходящее: перед сбором урожая здесь многие брели по дорогам дальше и дальше от дома – искали сезонный доход. Так что появлению пришлых работников никто не удивлялся.

Старший артели указал поселок, где дадут фальшивый найм и вполне настоящий безопасный кров. Добираться до места было всего быстрее через «великий лес», который охраняли особые наемники – егеря. Они следили, чтобы нищелазы не посмели взять даже кроху от хозяйского имущества, будь то дичь, сено, дрова или всего лишь ягоды и грибы. Хворост, и тот дозволялось брать лишь жителям ближних сел! Не удивительно, что торговая дорога усердно огибала «великий лес», его запреты и его егерей.

Впрочем, навыки здеших следопытов были смешны таежному жителю. Он легко прошел бы мимо любого егеря среди бела дня – невидимкой... Но на опушке душу вдруг накрыла тень сомнений, следом пришли боль и страх. Он оглянулся: за спиной – гнездо. Два десятка лиц, обращенных к нему. Два десятка жизней, сплетённых его трудами и болью воедино. Крепкие этим единством.

– Скажи, и мы сделаем, Волк, – молвил Ворон.

Из старших в гнезде Ворон – самый надежный и несуетливый. Он первым назвал вожака «Волк». Потому что волки живут стаяй, но верны семье. Так Ворон сказал, поясняя... и все согласились.

– Знаю, – Волк передернул плечами и не стал пояснять своего настроения, но Ворон понял и без того. Чуть помедлил и первым вошел в лес, не задав нового вопроса.

– Лисенок, пригляди за неопытными и успокой тех, кому страшно. Кaban, ты замыкаешь. Мало ли... оружие наготове.

Младшие пошли мимо, ступая осторожно, как их учили, но трава все равно шуршала, а ноги спотыкались... Лисенок метался туда-сюда, кого-то гладил по плечу, кому-то отвешивал подзатыльник или пихал в ладошку сладкие сушеные яблоки, кусочки пирога, изюм. Лисенок гибкий и тонкий,

во всякую щель проникает... чтобы извлечь оттуда чужое имущество. До того, как попасть в гнездо, он кочевал по притонам большого города, и взрослые воры прочили ему большое будущее. Он умел воровать, он не мог не воровать... и не желал быть вором! Его ломали всеми иными доступными способами для «его же пользы». И убили бы: он был упрям, как настоящий звереныш. Но Волк заметил рыжего заморыша, забитого до полусмерти. Украл у воров и выходил. Сказал: живи, как сможешь. Не нравится с нами – уходи в любой день. Но Лисенок уже три года – рядом... то пропадает, то возникает из ниоткуда. Тощий, веселый, с мешком чужих вещей и ворохом сплетен.

– И это они зовут лесом. Вот дурь, – прорычал Кабан, встав рядом с Волком.

Из всего гнезда лишь Кабан и Ворон по-настоящему знали тайгу. Прочие выросли в городах или поселках. А теперь в гнездо добавилось трое чужаков. Им жалкий лес казался непролазным и очень опасным. Странно: не тигра боялись, которого нет, даже не медведя, который может и найтись, – а каких-то бесов, черных призраков и прочей небыли-невидали. Горожане, что с них взять?

Кабан принохался, повел головой на короткой шее, и все тело качнулось вправо-влево. Кабан – кряжистый, чудовищно сильный и обманчиво-спокойный. Старший в гнезде. Давно мог бы стать вожаком или уйти, но не хочет. Снова втянул воздух, нарочито шумно фыркнул.

– Гнилой край, Волк, – скала Кабан так тихо, что никто из младших не разобрал. – Старший артели не держит нас за людей. Чужаки пацаны не нашей породы. Далась тебе золотая охота! Не наше дело. Непутёвое вовсе.

– Мы уже здесь. Теперь должны или загнать дичь, или уйти так, чтобы нас самих не загнали вместо дичи. Кабан, веди всех. Ты и Ворон, вам верю.

– А сам?

– Хочу глянуть на замок. Сразу, понимаешь? Пока мне никто не рассказал, что и как я должен видеть.

Кабан одобрительно кивнул, отступил... и сгинул. Ни одна веточка не шелохнулась. Волк еще постоял, мысленно спрашивая себя: кем стали дети твоего гнезда? Обзавелись звериными кличками и именами чужаков, непривычного толка. Обучились убивать и выслеживать. Того ли ты хотел, Волк? Может, ты попал в хитрую западню? Злодей с горой золота до сих пор не поддался артели. Он силен и опытен. А ты привел мальчишку, которой обещал защиту. Вдобавок сам мало что умеешь вне леса. Ты только начал входить в силу, копить ум...

Волк, забывший урожденное имя, запрокинул голову и беззвучно взвыл. Встряхнулся, прогоняя сомнения, сорвался с места – в стремительный бег! Он видел карту земель хозяина золота лишь раз, но верил своему чутью. Пока Ворон и Кабан тащат гнездо безопасной тропой, он метнется по срезке мимо домика егерей – и глянет на замок со стенами выше леса. Побродит по внешнему городу, подумает, как относиться к золотой охоте, своей ее считать – или чужой.

Волк еще до полуночи миновал сторожку егерей, а утром уже выбрался на большое поле, сплошь – в серо-розовом тумане. Как раз когда удалось выбраться к дороге, туман стек на траву радужной росой. Молодой день пах

свежестью, дорога не пылила. Волк огляделся: безлюдно. И вот она, развилка, в город – налево. И он побежал к городу ровно и неумолимо, как бегал дома, в тайге. Он сперва и не подумал, что здешние так не умеют... а после сообразил и заставил себя двигаться быстрым шагом и чуть стелиться, и слегка шаркать башиками.

Дорога выглядела добротной. Широкая – две повозки разъезжаются – и вымощена камнем. По сторонам были устроены канавы для стока воды. В дорогу то справа, то слева вливались тропки.

День разогревался, на брусчатке делалось людно – замок рядом, при нем город, многие желали попасть туда с грузом или делами. Волк теперь ловчил, сторонясь повозок, огибая телеги, шарахаясь от верховых. Душа успокаивалась: он одет, как местные, понимает их речь и разбирает, кому уступить дорогу и кому кланяться. Он пока примеряется к делу, он не полезет нахрапом во внутренний город, – тот, что обнесен стеной. Лишь погуляет по улочкам внешнего, открытого для всех.

– Пади!

Волк сперва не понял слово. Кричали далеко, невнятно. Но шум приближался. А люди – все, даже верховые в богатой одежде – спешно покидали дорогу. Кто-то норовил спрятаться, кто-то падал ниц, кто-то встал на колени и бесконечно кланялся пустой дороге. Неужели?.. Сразу, прямо теперь – можно увидеть золотого злодея?

По обочине пролетели вскачь два верховых. Появились еще шестеро, эти громыхали рысью. На них было надето так много железа, что смотрелось это не страшно... а глупо. Волк подумал с ехидством: положим, захотят они по нужде, как быть? А если оса заползет за шиворот? А если пойдет дождь? Волк поежился, мысленно перечисляя новые и новые «если».

Показалась карета. Больишущая, она катила по середине дороги, мягко раскачиваясь на огромных колесах. Выглядела очень дорогой, новой. Волк щурился и пытался понять: он разочарован? Почему же?

Карета вдруг остановилась! Волк насторожился, кинул взгляд вправо-влево, выбирая путь отступления. Отметил: верховой – тот, что одет богаче всех, у него и доспех с золотым узором – нагнулся к оконцу кареты и внемлет, не смея даже коснуться ткани иторки. Вот он поклонился, отвернулся. Привстал в седле, обшарил взглядом толпу – макушки и затылки, согнутые в поклоне спины и немногочисленные лица самых наглых, готовых глазеть с риском для здоровья...

Всадник резко, с металлическим звоном, выбросил вперед руку – и кончик плетки указал на Волка! Через толпу ринулись железные конники. Волк дернулся было улизнуть, но коленопреклоненные селяне и горожане повели себя нелепо. Кто поумнее, те стали расползаться, а глупые ретиво вцепились Волку в руки и плечи, давя к земле. Отпустили, лишь отброшенные охраной кареты. Застучали совсем рядом копыта – это подъехал тот, кто говорил с хозяином.

– Ты! Господин желает задать вопросы. Лезь в карету. На пол, на колени, глядеть вниз. Всякий ответ начинать со слов благодарности за право жить на его земле. Не смей сам спрашивать. Руки вперед.

Волк отрешенно пронаблюдал: вот ему связывают руки, кидают на шею петлю и волокут к карете – как скотину, выбранную на убой из большого

стада. Вот сунули через порог... или как это называется в карете, если не порог? Напоследок пнули пониже спины.

Хлопнула дверца. Снаружи щелкнул кнут. Карета тронулась, стала покачиваться.

– Извини, – шепнул слабый голосок. – Не умеют они иначе.

Сначала Волк увидел нож. Проследил, как этот нож – с костяной ручкой и серебряной насечкой, с камнем в основании рукояти – разрезал веревку на руках, затем на шее. Стало возможно растереть запястья, опереться о край бархатного сиденья... и поднять голову. Зажмуриться от недоумения, на ощупь сесть на бархат и снова открыть глаза. Протереть их... хотя и это не помогло.

Он хотел удивиться – и вот, изумлен до потери дара речи! Напротив, на таком же бархатном сиденье, сидит ребенок. Сам Волк, пожалуй, выглядел точно так, когда миновал лесное пепелище и добрал до поселка: кожа да кости, в глазах отчаяние... Ему тогда было восемь. А сколько этому ребёнку-призраку? Восемь? Двенадцать? Или все четырнадцать, если он не растёт...

Руки оказались проворнее головы: Волк еще не поверил в то, что видит, еще не решил, как к этому относиться – а сам уже протянул ребенку полоску сушеного мяса. Он привык к такому припасу с детства и теперь полагал его лакомством, напоминанием о родной тайге.

Мальчик нагнулся вперед, охотно принял угощение, снова откинулся на подушки и стал грызть – понемногу, неловко. Похоже, такая еда была ему внове. Но – облизывался, кивал и даже улыбался. Вот он прикончил мясо и жалобно глянул на Волка. Получил второй кусок, съел куда быстрее... и сыто расслабился.

– Вкусно. Знаешь, мне три года никто не давал пищу, желая накормить. Все в конечном счёте хотят не дать, а получить. – Мальчик горько усмехнулся. – Я всюду ищу людей, лишенных жадности. Отчаялся. Решил, мир сплошь чёрный, без просветов. Но мне повезло сегодня. И вдобавок я сыт.

– Ты... кто? – кое-как справившись с собой, шепнул Волк. – Я думал, в карете хозяин золота. Злодей, которому тут все рабы, и даже лес – просто вещь.

– Все так думают, – кивнул мальчик. – Знаешь, правду услышать очень опасно. Кто знает ее, должен молчать. Иначе умрет.

– Я помолчу, раз надо.

– Я более ценная вещь, чем лес или даже весь урожай. Я приумножаю золото. Каждый год я должен заполнять столько сундучков, сколько он поставит. Не справлюсь, он сожжёт целый поселок. И меня заставит смотреть. – Мальчик сжался, уткнулся лицом в колени. – Так было дважды. Мир делался сплошь чёрный, рассыпался в пепел... я бредил и умирал до середины зимы. А после заставлял себя очнуться и жить. Скажи, почему я все еще хочу жить? Это ненормально.

Волк сам не понял, как очутился рядом с мальчиком, как притиснул его к боку, согревая и оберегая. Ощутил руки-прутики – холоднее льда, и кожа рыхлая, влажная... Мальчик не плакал, но сильно дрожал. Вдруг вскинулся, извернулся и глянул Волку в глаза.

– Я так обрадовался! Тебя за золото не купить. Ты... человек.

– Меня кличут Волком, – усмехнулся Волк.

– Значит, ты настоящий оборотень, – хитро сощурился мальчик и рассмеялся, глуша ладонью звук. Запрокинул голову и шепнул в ухо, доверительно: – Настоящий оборотень, а не жалкая подделка из сказочек. Те оборотни только и умеют убивать. Как будто для убийства надо обрастать мехом! Ты настоящий оборотень, волшебный. Умеешь перекинуться в человека. Есть старая легенда о Локко, сыне бога диких людей. Младшим сыне. Он носится по лесу, творит невесть что. От его шалостей худо небу и земле. А только он не злодей. И умеет перекинуться в человека. Настоящего.

Мальчик шептал быстро и невнятно, постоянно прикрывал ладонью рот и поглядывал с опаской на дальнее окошко кареты. Волк и сам полагал: верховой в золоченом доспехе там, он едет близко, старается подслушивать.

Волк крепче притиснул пацана к боку. Сердце болело. Вот он, настоящий хозяин золота, и не только здешнего, а любого, наверное... Но разве он злодей? Разве город хоть однажды был искретен, обвиняя одних и назначая святыми – иных? Почему так легко оказалось поверить старшему артели? Почему...

Волк встряхнулся, сбросил пустые сожаления.

– Почему ты не сбежишь?

– Причин много. Но первая и очевидная... Сам глянь.

Мальчик указал на свои ноги. Волк нагнулся, сперва не понял... потрогал башмаки, желая удостовериться: защелкнуты на щиколотках замками. И весят, кажется, непомерно. В таких не то что бежать, кое-как брести едва ли посильно!

– Я совсем отчаялся, – со вздохом признал мальчик. – Локко, тебе скажу, как есть. Я еще мал, и все равно очень умен. У меня дар, но даже с ним золото не прирастает само, мы не в сказке. Я работаю, как ломовая лошадь, без отдыха и смены. Меня впрягли в ярмо давно, я не помню иной жизни. Сперва управлять мною было легко. Но три года назад я начал забирать власть. Два года назад подкупил многих – охрану, слуг, того, кто ими распоряжается.. Год назад понял: он следит за мной. Сейчас он все сильнее боится меня. А я приращиваю власть через золото. Пройдет еще три года, четыре... и я стану хозяин замка. Вот что страшно. Когда займу его место, пользуясь золотом, сам стану хуже, чем он. Я не оборотень. Один раз шерстью обрасту и буду зверь. Княжеский титул дает право метить в короли. Такого дела без большой крови не уладить. Озверею, точно захочу в короли.

– Говоришь, будто старше меня на целую жизнь, – удивился Волк... то есть Локко. Он вдруг понял, что согласен принять имя. – Как ты увидел меня через занавеску?

– Все дергаются в золотой паутине, как мухи. А ты... ты свободен. Совсем просто увидеть. Гораздо сложнее отпустить тебя из кареты на волю, живого и невредимого. Пока он не узнал.

– Кто «он»?

– Нынешний хозяин замка. У него титулов целый лист. Не хочу выговаривать их вслух, зачем?

– погоди. А ты ему... кто?

– Меня взял в замок его брат. Родной или сводный – не скажу. Не успел узнать, его отравили. Теперь я вещь, а отравитель – полновластной князь. – Мальчик слепо уставился в занавеску. – Его брат был как я, только старше и добрее. Он много хорошего сделал. Слишком много. Надо было таиться. Он

очень выделялся. И кое-кто помог людоеду захватить замок. Кто-то очень властный. Король?

– Зачем?

– Чтобы не нарушал принятого порядка вещей.

Локко долго молчал, пытаясь переварить новое знание. Сжимал челюсти, словно перетирал их... и ощущал себя беззубым: не хватало цепкости ума для осознания всего, что мальчик мог иметь в виду, не произнеся вслух. А ведь есть еще и ложь артели! Там не могли не знать о ребенке. Нет, не так: там – знали! Волк усмехнулся недобро. Не зря он с Вороном шептался ночами, пытаясь понять: зачем гнездо тащили сюда из тайги, из неведомой, невообразимой дали? Разве тут, поблизости, нет иных охотничков?

– Артель, – вслух выговорил Локко. – Знаешь о таком деле?

– Немного. Это неинтересно. Им всем – королю, храму и еще невесте кому – нужно золото. Всем нужно золото, нет разницы, как они себя называют и какие причины придумали, чтобы отнять его. А что? Только не говори, что ты... тебе тоже нужно золото? Я ошибся?

Лицо мальчика стало бесконечно усталым и даже старым. Он осторожно отодвинулся, забился в угол и прикрыл глаза. Локко потянулся дотронуться до тонких пальцев... и не решился. Вместо этого тихо, шепотом, рассказал легенду таежных людей – о дочери змея-полоза и пропавшем золоте. И добавил быль: о том, как в тайге несколько раз собирали артель. Настоящую, для общего дела.

– А можно все золото... утопить? – чувствуя себя глупым, все же спросил Локко.

Мальчик долго молчал. Затем вдруг закашлялся, стер со щеки слезинку и опять закашлялся... то есть рассмеялся.

– Разве в золоте дело, лесной дикарь! Ты такой большой, и такой... как первый день живешь. Пусть будет не золото, а железо, – мальчик взвесил на ладони свой кинжал. – По твоей логике выходит, если утопить все железо, люди перестанут убивать, да? Почти все убийства совершаются железом – стрелами, ножами, мечами, топорами. Железо виновато? Нет уж, какое там! Железо – исполнитель, золото – поверенный в делах, а хозяин – то человек! Всегда так. Может быть, незапамятно давно мы могли сделать иной выбор... но теперь уж поздно. Мы протоптали себе дорогу, мы идем... и остановиться, сделать выбор снова, не способны.

– Ты прав, я понимаю. Но так было бы здорово...

– Точно, было бы здорово, – улыбнулся мальчик. Помолчал, прислушиваясь к звукам вне кареты. – Меня зовут Йен. Я рад, что встретил тебя, Локко. И мне горько, нам пора прощаться. Я сказал, что хочу узнать у тебя о цене найма на сезонные работы. Что высажу тебя возле колокольни святого Теодора. Надеюсь, тебя отпустят.

Карета встала. Локко быстро соскользнул на пол. Припомнил, как было велено стоять, и сгорбив спину, нагнул голову.

Дверца открылась. Сзади до плеча дотянулась большая рука в железной перчатке, сжала когти пальцев, чтобы выдрать из кареты, выживернуть навсегда и безвозвратно.

– Хозяин!

Локко вцепился в железные башмаки Йена, и хватка руки-капкана на плече ослабла: ведь рывок теперь выдрал бы из кареты и нищего

попрошайку, и драгоценного золотого ребёнка – обоих! Локко выдохнул, довольный тем, что смог выиграть время. Выпрямился, нагло щурясь. Теперь были распахнуты обе дверцы, и охрана пялилась на невероятное зрелище всем немалым числом глаз, и слушала тем же числом ушей... Локко усмехнулся. Чем больше свидетелей, тем лучше!

– Хозяин. Я очень умен, хозяин. Я понял вашу тайну. Не надо платить за меня золотом, его отберут. Не надо отсылать меня, там голодно и грязно. Дайте мне одну каплю от щедрот, и я – ваш с потрохами. – Локко неуловимо быстрым движением вынул кинжальчик из ножен, чиркнул кончиком лезвия по пальцу мальчика, поймал на ладонь каплю крови и слизнул. Кивнул, с важным видом умнейшего из мошенников... – Только ваш. Я угадал, ваш дар в крови?

– Ах ты падалъ, – взревел главный человек в охране, рванул плечо когтями стальной перчатки!

Волка вынесло из кареты, шмякнуло всей спиной о камни – так, что на миг и дух вон, и в глазах черно. Но лишь на миг: тело помимо сознания сделало необходимое – спружинило, смягчило удар и свернулось в клубок, готовясь принять новые удары... которых не последовало.

– Он мой, – резко и внятно сказал Йен. – Что, претендуешь на мою вещь? И что, даже способен расплатиться? Да неужели? Пишёл вон. Сей миг, пока я не занялся тобой всерьёз, пишёл вон!

Голос мальчика сделался звонким, в нем проявились неожиданные для Волка нотки – право приказывать, брезгливость, гнев... Волк-Локко сел, шало встряхнулся, едва веря себе. Закованный в доспех конник спешил, рухнул на колени с грохотом и лязгом. Ба-бах! Латный нагрудник протаранил булыжник.

– Умоляю. Это оплошность. Я опасался, он достал нож. Я не посмел бы. Умоляю.

– Допустим, сегодня мне не приснится, как горит одна никчемная голубятня, как полыхает одна вишневая усадьба и как ростовщик находит пачку чьих-то долговых расписок, – едва слышно выдохнул Йен. – Допустим. Но если хоть один из твоих людей не так глух и нем, как ему следует...

– Они еще и слепы, это несомненно.

Волк поднялся в рост, отряхнул штаны, шагнул ближе к карете и заново взглянул на золотого мальчика. Маленького, тощего до прозрачности, едва живого – и способного внушать страх. Поклонился, касаясь лбом пола кареты.

– Я дам тебе имя, – Йен оставался таким же холодным и чужим, хотя глядел в глаза, прямо и уверенно. – Волк. Мой личный волк. Надоели псы, готовые вилять хвостами за малую подачку, перед каждым.

– Приму с благодарностью, – едва слышно выдохнул Волк.

– Дам тебе день. Отрежь прошлое. Здесь, на этом месте, завтра тебя будет ждать вот он. – Йен отвернулся, пошарил в углу дивана... и метнул на пол кареты тяжёлый мешочек. Звук не оставлял сомнений, внутри деньги. Наверняка золото. – Купи одежду. Добротную, но без причуд. Вымойся. Волосы отрежь короче. И еще. Не смей явиться, не исполнив поручение. Цену найма на хлебных полях ты указал, а вот условия мямлил, как площадной дурак. Не справишься, велю выпороть. Это все. Мы отбываем.

Волк схватил мешочек, отступил на несколько шагов, прижимая золото к груди и часто кланяясь. Упал на колени, оказавшись на обочине. Проследил, как дверцу кареты бережно, не смея стучать, прикрывают. Как двое проворно поднимают коленопреклонённого начальника стражи, разгибают. Вот он неловко лезет в седло, поддержанный слугами. Утверждается там, обретает горделивую осанку... и продолжает старательно не замечать Волка. Хлопает кнут. Карета трогается. Процессия удаляется...

– Город, чтоб ему, – хмыкнул Локко, когда карета скрылась вдали. Высыпал на ладонь золото. Монеты крупные, много. – Парня жалко. Он прав, обрастет шерстью, и все. А что я могу? Такого в гнездо не утащить, он птица... – Локко улыбнулся шире, расправил плечи, глянул в небо. – Не нашего полета птица, вот так-то.

На душе наконец стало легко и светло. Йен был – человек. Йен не солгал ни разу. Потому что для всех дал это негодное имя – Волк. А по-настоящему назвал Локко. Йен принял помощь, хотя какую помощь может ему оказать не особенно умный дикарь из леса? Но Йен – принял. Поверил. Даже не стал вмешиваться, хотя решение продаться было мгновенным и необдуманным. Наверняка человек города нашел бы что-то более умное и тонкое.

– Локко, – едва слышно шепнул Волк. Новое имя казалось настоящим и очень важным. – Йен...

Он огляделся, запоминая место, и побежал прочь. За день надо ох как много успеть сделать! Гнездо нельзя подвергать опасности. Но дать знать о новых своих планах – надо. И поговорить с Вороном – надо. И усовестить Лисенка, он всегда норовит украсть хоть какую мелочь на новом месте. Ловок, а все равно попадаетея иногда, удержижу-то не знает.

Волк расхохотался на бегу, раскинул руки. Он уж точно – не жалкая псина, и хвостом вилять не станет из-за подачек. Он —оборотень. Это даже артель поняла сразу. Он оборотень, и он обязательно украдет ребенка, чтобы утащить в дикий лес совсем и безвозвратно. Такое случается во всех страшных сказках.

Глава 3. Чужие дети

Информация для ознакомления, тайная полиция, особый отдел по надзору

«По имеющимся у нас данным, в столице возможна активизация мошенничества любого толка. Устроитель нам неизвестен, но мы уже пять раз отмечали схемы с общим сходным звеном. Это ребенок (приметы прилагаются), для которого собирают средства то на лечение, то на прожитие после пожара, то на учебу. Предлагаем проявить полное внимание к данному вопросу в связи с масштабом вероятных финансовых потерь пострадавших и категорической трудностью дознания. Вот пример: Сосновичи, два года назад. Сбор средств вовлек даже подпольный игорный дом, предположительная сумма жертвования – 50 тысяч. Заявление, конечно же, не было подано официально. Но внутреннее дознание в среде воров и мошенников привело к резне с далеко идущими последствиями. Причины внезапной тяги к меценатству содержатель игорного дома объяснить не смог даже в частной беседе. Вот разве – „мальчик был очень мил, а дело казалось выгодным“. Похожие слова говорили год назад мошенники на станции Плесь, полгода назад – биржевые аферисты города Лидова. Единственное, что известно о ребенке более или менее точно – прозвище „хомячок“, однажды упомянутое подельниками».

—

Карта столицы и пригородов выглядела необычно. Это и не карта была, а стопка листов с крупными планами улиц и более мелкими – целых районов и железнодорожных станций. Каждый лист содержал множество стрелок, крестиков, разноцветных кружочков. Сложенные вместе, листки образовывали колоду: яркую, прямо-таки игровую... но сведения копились не для развлечения. И результат их использования, даже наилучший, по мнению Якова никак не мог называться победой.

– Вот такая работенка.

Гордость в ровном тоне Берложника смог бы разобрать лишь человек, знающий его очень хорошо. Таковых, по мнению Курта, вовсе нет. Кстати, именно Курт приложил все силы, чтобы убедить Клима Ершова – самого толкового и одновременно несговорчивого мастера сыска – заняться делом вслепую, без выяснения полной его картины.

– Заказчик наверняка доволен, – добавил Берложник, не дождавшись ответа. И горько усмехнулся: – Если заказчик не ты. Иначе...

– Отчасти я. Вернее, в том числе я, – пробормотал Яков, продолжая изучать листки. – Работа добротная, но ты меня знаешь, радоваться тут нечему.

Хозяин кабинета кивнул: он хорошо понимал гостя и во многом разделял его оценки. Но сейчас Берложника не занимали ни победы, ни провалы. Клим рассматривал неожиданного гостя – и временами расплывался в счастливой улыбке... чтобы согнать ее и снова глядеть, и, забывшись, улыбаться.

– Тебя прикончили у меня на глазах. Давно... и тот Камень, прежний, смотрелся постарше и покрупнее, – вслух удивился Берложник и сразу добавил: – но и такой ты неплох.

Яков не стал ничего пояснять. Нельзя ведь, в самом деле, навещая каждого из друзей прежних жизней, сообщать с порога: «Я – выползок». Это ничего не объясняет, лишь создает досаду и недопонимание. Почему не сказал раньше? Почему не пришел раньше... целая гора

бесполезных оправданий. На них нет времени. А жаль: хотелось бы посидеть, поговорить. Клим по прозвищу Берложник – особенный человек. С ним связано много занятных воспоминаний. Конечно, он был совсем иным в юности. Но и нынешний — отрада и гордость для души.

Курт, гордо сообщив об исполнении просьбы Якова о поиске наилучшего дознавателя, представил легенду столичного сыска весьма неопределенно: «Он, скажем так, частное лицо... с особенными возможностями и бешеными причудами». А еще добавил, что именно Берложник способен находить любые иголки в столичном стоге сброда. Досадливо вздохнул: даже он, глава охраны князя Ин Тарри, не смог купить надежных сведений о прошлом Клим Ершова, а значит, не способен угадать его интересы и потаенные слабости.

– Камень, я конечно рад, бесовски рад. Одна беда, ты серый и скучный, – Берложник снова продвинул вялый разговор. – Устал?

– Нет азарта.

– Вот дрянь, знакомая шарманка! Тот раз слово в слово было, чтоб тебе! И через день хлоп – и нет Камня, зарыли... Н-да, а давай я определю тебя в кутузку, вот прямо теперь? Для твоего же блага.

– Я спец по побегам. Ты же знаешь. – Яков дотянулся до корзинки с хлебом, разломил булку пополам вдоль и принялся набивать всем, что хозяин кабинета приказал спешно добыть посреди ночи – луком, зеленью, мясом, творогом. – М-мм, вкусно. Голодная смерть грозила мне уже сегодня, но завтра – край, сдох бы. Десять дней такое творится, спать не успеваю, есть тем более.

– Голод – повод для уныния или гордости?

– Я честно жалуюсь, тебе-то могу, – прожевав очередной кусок, сообщил Яков. – Уж как я рад, что ты взялся за ум и остепенился. Дожил до... сколько тебе?

– Шестьдесят три. Вот в чем повод для радости? Помер бы я молодым, не узнал бы ревматизма, не жалел о выбитых зубах, не прятал в столе очки для чтения. – Берложник навалился локтями на стол, сразу оттолкнулся и разворошил стопку карт. – Курт толковый мужик. Манерный, а все ж правильный. Но чтобы вывести на тебя? Найду его кобелю пару, только так и рассчитаюсь. Меньшим не отделаться.

– Щедро.

Клим кивнул, сосредоточенно выбирая листки из стопки и раскладывая на столе. Затем четко, короткими фразами, пояснил: он получил заказ на выявление людей и групп, в свою очередь занятых поиском некоего беспамятного старика. Причем поиском тайным и усердным. Сперва дело казалось малым, а щедрость Курта в обеспечении ресурсов – излишней, даже позерской. На самого Ин Тарри работает, ему деньги – пыль... Но дело быстро разрослось и теперь выглядело затратным, а пожалуй и опасным.

– Три активных независимых ядра у них, у прониры. Вот столько я нашёл пока. Два составлены из скучной, обыкновенной мразоты, ты читал отчет, да? Первая группа шастает по барыгам и ворью, деньги сует на две стороны, и им, и сразу – жандармам. Вторая посolidнее. Люди тертые, из сыскарей. Дело ведут сами, следов мало, я нашел их не сразу. Была еще поклевка, да сорвалась: на меня вышли, покрутились... тут некстати явилось мое неблизкое начальство. И они сгнули.

– Да уж, Курт намекал. Я не поверил! Ты и тайная полиция в каких-то... отношениях. Мир полон чудес.

– Старею, шкура линяет, я уже не зверь лесной, а цирковой медведь в наморднике, – сообщил Берложник с намеренно фальшивым вздохом.

– Ну-ну. Горожане думают, что медведи неуклюжие и на морду добрые, но я-то происхожу из диких мест, мне не ври.

– К делу. Курт сказал, придет особенный человек, спросит про малышню. Я сразу подумал о тебе. Но – быть не может, нет тебя давным-давно... а вот вычудилось чудо, ты опять

жив. На малышню я вышел всего-то три дня назад, и сразу потерял двух осведомителей. После еще пятерых устроил по больничкам. Камень, они режут свидетелей ловко и без рассуждений. Почти уверен, что эта банда помешана на мировой справедливости, за ними такой хвост мошенничества тянется, что я едва решаюсь поверить. Они же нищие, куда девают деньжищи? Тысячи, десятки тысяч!

– На детей, – оживился Яков. – Как сам я делал, пока был главарём похожего гнезда.

– На детей? А, тебе виднее. В общем, нынче вечером я свел воедино сведения, опять подумал о тебе... и ты уже на пороге. Что, скучно на том свете?

– Не знаю. Мне ни разу не удалось добраться до конечной станции. Или меня ссаживают с мертвецкого поезда, или я с него спрыгиваю.

– Ты сомневаешься в правильном ответе? Я вот сразу понял.

– Ты знаменит на всю столицу умением сразу понимать. Курт так и сказал: самый понимающий в сыске. Еще самый ленивый, самый упрямый и самый мстительный. Впускает охотно лишь гостей, запасших гостинец – незнакомый напиток высокой крепости, – Яков доел крошки хлеба, смахнув в кулак. Подмигнул хозяину кабинета. – Я сразу подумал о тебе. Так и прежде: или ты спал, или вынуждал окружающих прикидываться спящими. И спирт тебе слаще меда.

Хозяин кабинета расхохотался, звонко шлёпая ладонями по столешнице. Якову было странно видеть Клима-Берложника огромным, косматым, почти старым и – о чудо! – благо-разумным. Да что там, просто живым. Полвека назад мальчишка Клим казался неспособным повзрослеть. Он ненавидел мир, не щадил себя, не знал рамок и границ. Он был тощий и чер-ный. В первую встречу особенно: обмороженный и израненный, голодный до полуобморока и вдобавок – непотребно пьяный.

– Малышня, – Яков поморщился, изучая карты, – сколько их старшему?

– Его ни разу не замечали мои люди. Лет пятнадцать или чуть больше, так думает горо-довой, который вроде бы именно с ним лалялся на станции Борки два дня назад. Сейчас, скорее всего, логово пацанов тут.

Берложник примерился и вычертил на одном из листов карты треугольник, захватывая несколько домов и сараев.

– Да уж... а как мы с тобой первый-то раз столкнулись! Эх, было время.

– Явись ко мне гость из такого времени, я б его пристрелил. Ради спокойной жизни для себя и благополучного будущего для детей.

– Внуков. У меня уже трое, все – пацаны. Вот если б ты не заявил тогда с непостижимой наглостью, что будешь представлять меня в суде, и до детей не дошло бы. В суде! Как вспомню морду управляющего, от смеха задыхаюсь. Ночь, затравленный псами ворёнок помирает среди леса. Кругом погоня из обобранного имения... все ссорятся и решают, как меня кончить. Вдруг из-за елки являешься ты, весь такой... строже проповедника в постный день. Без ножа, без ружья, зато с диким бредом о суде и законе.

– Надо было начать разговор с чего-то. Я и начал.

Яков улыбнулся, припомнив случай, чудом оставшийся без последствий. Не пролилось крови, даже толковой стычки не вышло, уж тем более – упомянутого нектасти суда... Обо-шлось резким разговором, переросшим в трое суток беспробудного пьянства со слезливым братанием и обещаниями вечного взаимного уважения.

– А чего ты полез тогда в дело? – тихо спросил Клим. – Я стоил хлопот?

– Ты заporол волкодава острым сучком и пытался придушить второго, уже порванный. Я подумал: далеко пойдешь.

– Так уж и волкодава. Но ты прав, я шел-шел и добрался до столицы.

– Не стоило запросто признаваться, кто я, – досадливо шепнул Яков. – Благодарность – бремя. Прости.

– Ты определенно устал. Камень, не назовись ты, я б тебя так и так срисовал. Вот... узнал бы и пристрелил сгоряча. За недоверие и забывчивость.

– Я разве похож на себя прежнего?

– Глаза. И помешан на бездомном пацанье.

– Допустим. К делу. Курт просил мягко притормозить тех, кто ищет старика.

– Отчего ж не развлечься, когда денег вдоволь и жандармерия на коротком поводке? Мои белочки таскают сведения, как орехи в урожайный год. Вмиг нагребли кучу, я покопался, прикинул так и сяк... и прикрутил фитилек в их фонарике, чтоб стало им темно и неудобно. Облавы устроил, по притонам прошелся, с нищими перетер без стервозности, свойски. Взрослые умники все поняли. Попритихли. Залетные, что сунулись ко мне, вовсе из Трежаля сгинули. Нервные.

– А малышня?

– Вот с чего б им уняться? Сам знаешь, такие не доживают до взрослого ума.

Берложник поморщился и отвернулся. Долго глядел за окно, в сырой туман, серо-черный с мутными прожилками фонарного света. Прокашлялся, сходил и на ощупь выловил мелких огурчиков из пузатой склянки, установленной на столике возле шкафа – не иначе, вместо вазы с цветами. Посопел, глядя на картину рядом со шкафом. Решительно снял ее, любовно огладил явившейся взору фасад сейфа, годного украсить богатый банк, всерьез помешанный на безопасности. Повозился, растирая ладони. Добыл из-за рамы картины конверт и прочел вложенную в него записку. Смущенно пояснил: не меняюсь, выпивку не разлюбил... прячу от себя. Шифры помощник ежедневно обновляет, чтобы занятнее было угадывать.

Яков благожелательно изучал спину Клим и мысленно одобрил зрелище. Берложник поджарый, вальяжно-величественный. Грива волос стала сивой, но еще не поредела. Движения отличает особенная, ложная медлительность. Когда-то Яков долго и трудно прививал ее Климу-пацану: не будь глупой торопыгой, дай уму выбрать решение! Ты человек, ты должен управлять своим телом, прежде чем возьмешься резать чужие... Было сказано безмерно много слов, хотя в их действенность не верилось. Полвека спустя оказаться в этом кабинете – доброе чудо. Можно наслаждаться настоящей победой: наблюдать Берложника, гордого семьей и репутацией. Трезвого! Не предавшего себя, не согнутого властью, не ущемленного рамками, но признавшего их полезность для себя и общества.

– Как тебя занесло в тайную полицию? – не удержался Яков. – Ты не уважал никакую власть. Тогда, давно.

– Никуда меня не занесло. Сами пришли, штоф выставили. Начали нести чушь о долге перед страной. Я промолчал, штоф-то был дивно хорош. Ну и вот. Сосуществуем в приятной тишине, – шепнул Клим. – А если чуть серьезнее... ты виноват! Из-за тебя я принялся думать о пользе своего существования, смысле жизни и прочем нелепом и безответном. И вот. Кто-то ведь должен в безумной столице находить ответы, а не стряпать их. Так я решил. Сперва казалось, меня скоро вышвырнут, мои ответы неудобны. Но в итоге меня то гонят, то возвращают. Занятная жизнь, нескучная.

Продолжая шепотом рассуждать, Берложник быстро, как-то даже играючи, крутил наборный диск, кивая и вслушиваясь. Вот последняя цифра оказалась определена – и дверца открылась. Внутри солидно блеснули бутылки, установленные плотными рядами. Клим долго и нежно трогал их, гладил. Вздыхал, прикашливал... и наконец выбрал годную. Вернулся к столу, поставил рюмки, значительно, со стуком, утвердил посреди стола хрустальный шар с темно-гранатовым содержимым.

– Камень, а вот скажи: когда поумнеешь ты?

– Я весьма умен. Меня интересуют дети, ничего не изменилось. Хотя не так: я наконец-то вышел на след того, кто втрапливает их в мерзкие взрослые дела.

– Разве он один? Сколько думаю над твоей охотой за призраком... Пустое дело. Мир так устроен, хитрые используют наивных, старшие уродуют малышню, зверье лезет по трупам, а святоши вещают о высоком, отворотя морды. Ну, за встречу. В тринадцать лет ты подло принудил меня к трезвости. Как видишь, держу слово. Одна рюмка в день... обычно так. Обычно. Вот.

– Да, я подлый, но горжусь тобою: за полвека ты не передумал жить по-людски, – Яков нащупал рюмку, звякнул стеклянным ее боком о рюмку Берложника и выпил. Снова обратил внимание на карту – ту самую, с незримым взглядом треугольником логова. – Умеешь работать.

Хозяин кабинета провел пальцем по усам и прокашлялся. Вряд ли в его окружении знали: Берложнику не чуждо тщеславие. Клим, если припомнить, и пацаном хвастался лишь перед «подлым законником»... Яков подумал все это мельком и вернул свое внимание листу карты.

– Они проверили все ветки железной дороги? Успели так быстро?

– Судя по косвенным признакам, вокзалы и ближние станции проверены. Сейчас поиск тяготеет к западному кусту. Значит, что-то нащупали.

– Ты всегда называл пути – кустами. Не переучился... интересная наливка.

– Будь добр, поставь в сейф, набери шифр и дай мне наводку... то есть подсказку. Зря я про водку-то. Зря. Выпьем по второй, я разойдусь, я себя знаю.

– Ладно, – Яков отнес бутыль, бегло осмотрел прочие в сейфе. – Богатый выбор! Но в чем смысл устанавливать шифр? Ты вскроешь любой... а, мне-то что. Подсказка: две начальные цифры имеют отношение к нашей первой встрече в смысле погоды, остальные связаны с твоим запасом спиртного... качественно и слева направо.

– Завернул, однако! День-то провожусь, думаючи, – Берложник вскочил, крадучись подобрался к сейфу и погладил наборный диск. Покрутил, вслушиваясь. Пальцы дрогнули, и первая цифра оказалась опознана. Клим прижмурился и, гордясь собою, неискренне посетовал: – Мозги не те уже, да и времени на баловство маловато.

– Хорошо, что ты не охотишься на выползков, – Яков поежился. – Не жить бы... им. Всем.

– Не охочусь и другим укорачиваю руки. Любые предубеждения – зло. Ловить надо тех, чья вина доказана. Дюбо получили свое два года назад. Кой-кто наведася к ним, приключилось громкое дело о подкупе. Ох и весело было провожать вагончик на рудные-то промыслы, сколько белоручек к труду приспособлено стало... Конечно, суета полыхнула. А только они поняли предупреждение, близ Трежаля больше не баловались. По слухам, на юге чудили. Кстати, в прошлом месяце вагон льда вкатился к ним в имение. Не помню, в которое, верст сорок отсюда, недалече. Мои люди проверили на всякий случай. Ничего подозрительного, но...

– Стоило явиться к тебе раньше, я-то понял бы, зачем везут лед, – вздохнул Яков. – Но я хотя бы теперь пришел.

Он продолжал изучать карту. Судя по ней, логово недорослей, которые возможно – и даже наверняка – работали на артель, было устроено толково. Красные метки обозначали десяток очевидных выходов из домов и сараев, и наверняка кроме них имелось куда больше необозначенных – тайных, не выявленных наблюдением. В бедных предместьях дома лепятся друг к дружке, подвалами можно пройти всю улицу, а если поработать лопатой и укрепить своды – то полгорода твои, через канализацию... Дома в пределах «логова» высокие, с их чердаков открывается обзор на обе смежные улицы, на перекрестки и дворы. Из-за этого наблюдателям не подобраться вплотную, а значит, упускают они многое.

– Что хочешь вычудить, смертник? – Берложник тяжело вздохнул.

– Ничего такого... Поговорю по душам.

– Вот тут тебя грохнут, – ноготь Берложника нанёс засечку на лист. – Или тут, поближе... ты ж везучий. Не лезь. У них дело. Ты – помеха и враг.

– Я кое-что знаю, если они – те самые, легко пройду внутрь. Вдобавок их главный любовник и умен. А еще у него принципы. Наверняка так, иначе твои люди не по больницам бы лежали, а сразу отправились на кладбище.

– Утешил, ага! Пришел ко мне, выпил со мной, и теперь я должен смиренно наблюдать, как ты лезешь умирать героем. Опять? И даже на трезвую голову?

– Клим, ты можешь устроить малую облаву, выловить их младших. Пленниками неизбежно займутся в тайной полиции. Большая облава станет делом обязательным. Тогда погибнут и люди в форме, и эти дикие дети. Они станут яростно отбиваться и прикрывать самых ценных в гнезде, забыв все рамки и принципы. Уцелевшие отомстят. Разве я не прав? Бесы-беси, я опять прав и опять не рад этому... но я знаю мирное решение.

– Вот спасибо, баранья башка! Я просил о совете и помощи?

– Я прошу о помощи, Клим. Я войду и останусь в их логове на какое-то время. До утра выведу кое-кого, если я прав в своих предположениях. Не следи за нами. Подгони машину на перекресток, сюда.

– Если тебя убьют, ты вернешься... опять? – голос Берложника дрогнул, на лице промелькнуло выражение детской надежды на чудо.

– Все будет хорошо. Пора, выведи меня на любого их соглядатая, желательно поближе к логову.

Берложник тяжело вздохнул и не ответил. Яков встал, порылся в карманах и аккуратно выложил на стол документы, нож и, чуть подумав – второй малый нож. Кивнул, подтверждая, что готов.

Всю дорогу Берложник молчал, и это получалось у него все мрачнее и досадливее. Яков, наоборот, в своем молчании ощущал душевный подъем. Если этот вот Берложник врос в мирную жизнь, обзавелся семьей и гордится внуками...

– Во-он там, у порога, тощий заморыш. Точно из их ватаги, – нехотя выдавил Берложник, остановясь на углу.

– Пойду. Не переживай.

– Жду. Время тебе до рассвета.

Яков отвернулся и зашагал по пустой улице, мимо темных домов, считая редкие фонари. В обшарпанном предместье был заправлен один из трех, и тот не горел, теплится. Трактир едва виднелся вдали, у следующего перекрестка. Закопченный, с перекошенной дверью и таким же кривым вышибалой, подпирающим косяк. Яков брел сквозь городской туман, иногда прикрывал глаза, глубоко вдыхал кислый угольный дым, гниль, палую листву... и снова открывал глаза, слепые в ночи. Тело леденело, душе казалось, что она минует нору времени, шаг за шагом проваливается из нынешнего Трежаля в иной город трехвековой давности... в первую свою жизнь. Люди – не меняются. Пацан лет двенадцати, что жмет к стенке, кутаясь в клифт – он из родного гнезда, из того, самого памятного. Конечно, до Лисенка ему далеко. Но был в том гнезде малыш с прозвищем Сыч. Угрюмый парнишка с круглыми глазами, светлыми и зоркими в ночи... очень похожий на этого – смугловатый, сутулый. У него чуть подергивалась голова: однажды Сыча насмерть перепугали какие-то выродки... и он сделался способен резать всякого, чтобы не быть зарезанным, избитым, изуродованным. Он слабый, для него зарезать заранее – единственный способ выжить и спасти себе подобных. Урвать у проклятого мира еще один день. Голодный и опасный, но – свободный. Сыча было трудно отучить. Если б не Лисенок... рыжий умел дарить тепло, а еще он был – сплошная радость, при нем даже Сыч улыбался. Интересно, в этом гнезде есть свой Лисенок? Узнать бы... но – не теперь. Долой лишние мысли.

– Комнаты есть? – подойдя вплотную, спросил Яков у вышибалы.

– Рубь, – не прекращая ковырять в зубах, отозвался тот.

– За рубь тут можно выкупить все, аж по самую крышу, – буркнул Яков.

Свободно опущенная рука шевельнулась в скупом и точном жесте – вроде бы перетерла что-то в пальцах. Таким и должен быть тайный знак: коротким, обычным для глаз непосвященного. Вышибала ничего и не заподозрил, зато пацан напрягся. Яков отметил это, отворачиваясь. И зашагал мимо фасада трактира в сторону соседней улицы. Вышибала ругался в спину, называл скрягой, и это было единственное слово, допустимое в разговоре при ребенке. Яков усердно давил злость – втапывал башмаками в грязь. Нет времени воспитывать вышибалу. Нет и смысла. Но было бы так удобно сбросить раздражение. Вот и поворот за угол...

– Ты эта, дядь, полтинник не пожалеешь? Я хорошее место знаю, – доверительно сообщили из подворотни. Значит, пацан успел оббежать забор, перелезть или поднырнуть. А еще – он не удивился появлению взрослого, который жестом назначил себя проверяющим от артели. И сейчас мальчик играет по правилам, поддерживает разговор о дешевом жилье. Вдруг рядом посторонние наблюдатели?

– Веди. Эй, – Яков замер, поморщился, мысленно ругая себя, – может, вернешься и нагребешь жратвы впрок? Я голодный.

Пять рублей мелькнули ночным мотыльком, зашуршали в полете – и были пришлѣпнуты жадной ладошкой пацана.

– С выпивкою?

– Без. Но с хлебом и непременно с чесноком.

Яков добавил еще один тайный жест артели, провоцируя удивление и неизбежное подозрение. Пацан притих. Яков тяжело вздохнул и выпустил нового пятирублевого мотылька.

– Купи поесть и себе тоже. Чтоб от пуза. Понял? Приказ тебе такой, тайный и строгий.

– Будут мне тут всякие...

– Просьба.

Пацан засопел, не двигаясь с места. Наконец, решился, щелчком языка вызвал помощника. Едва тот вынырнул из-под забора, отдал ему деньги, а сам повел гостя в логово. Двигался порой впереди, а порой сбоку и даже сзади. Яков не сомневался: отставая, провожатый показывал кому-то жестами, что ведет чужака, что гость назвался проверщиком, а только пусть-ка докажет, что он проверщик! И, даже если всамделишный, из артели – старшему гнезда он не указ.

Тишина казалась Якову затхлой, шаги отдавались не эхом, а болью в сердце. Город выглядел все более древним и мерзким, он дурно пах и чернел, как пропасть. Ничего не меняется. Ничего...

– Туда.

Пацан указал – и отодвинулся вдоль стены, в ночь. Скрипнула калитка, приоткрылась. Яков канул с улицы во двор, черный, как омут по ту сторону порога смерти. В спину сразу уперся нож.

– Шагай давай, ну!

Голос прозвучал хрипло, зло. Новый провожатый был постарше, заточку держал сноровисто и крепко. Он тоже боялся взрослого незнакомца: острие царапало кожу и портило куртку. У стены таились еще двое. Яков не видел их, но знал чутьем, он бы и сам разместил там людей. Как раз двоих. Обязательно с пистолетом. Туман густой, обостренному нюху чудится ружейное масло и даже порох... Хотя это игра воображения. Пацаны осторожны, лишних запахов в своем логове не устроят. А это именно логово. Дом тот самый, из треугольника на плане.

Уткнувшись лбом в притолоку, Яков зашипел и нагнулся ниже. На ощупь пробрался тесным коридором вперед и вниз, в холод, в запах прошлогодней гнилой картошки... и далее сквозь него, трогая осклизлые бревна стен и сплевывая паутину. Опять ушиб лоб – и полез вверх, к тонкой нитке света по шву досок.

Люк подпола открылся. Света сразу стало много, Яков заморгал, пока его рассматривали. Замер, подняв руки и не делая попыток забраться по крутой лестнице.

– Эй, подделка, кого на хвосте тащишь? – спросил ломающийся юношеский голос.

– Сядем, поговорим. С тебя вопросы, с меня ответы, – предложил Яков.

– Заметано. Лезь сюда, трепло, – хмыкнул тот же голос. – Знаки показываешь странно, второй был вовсе старый. Прирезать бы сразу, но вопросы есть, ты прав.

Яков плавно взобрался по лестнице. Сел, куда толкнули, уложил руки на столешницу, чтобы ладони были на виду. Наконец поднял голову, взглянул на собеседника. Сразу, остро порадовался: наверняка настоящий главарь этого гнезда! И выглядит, как хотелось. Сразу понятно, что он любознателен, а еще – умен. Пришел, чтобы выиграть время, получить сведения и не подставлять под удар малышню. Он зол, но не готов совершать ошибки. Он – ответственный.

Как и обещал Клим, пацану – лет пятнадцать или чуть больше. Тоже показательно, он в гнезде не самый старший, а значит, уважение к нему строится на более прочном основании, нежели грубая сила. Глаза у парнишки ледяные, лицо замотано темной тканью. Хороший признак: еще не решено, стоит ли убивать гостя...

– Кого привел? Служивых? Я слежку чую. Два или три дня мы дико палимся, – сообщил пацан.

– Яков. Так меня можно звать. – Яков приподнял руку. – Хочу достать кое-что из куртки. Справа, из внутреннего кармана. Ладно?

Пацан кивнул. Яков плавно добыл сверток. Подвинул по столу. Пояснил: осень – трудное время. В желтом пакете порошок от болей в желудке. В белом – от жара. И еще на бумаге под пакетами адрес. Надежная аптека, помогут и ничего не спросят.

– А прирежу тебя здесь и сейчас, тоже не спросят? – усмехнулся пацан.

– При чем тут я, нет никакой связи. Там лечат всех детей. Днем и ночью. Деньги берут только за редкие лекарства, какие трудно достать. Аптеку держит пожилая тетушка, она выросла на улице, вот и спасает таких же. Она и ее сын тоже.

– Ты показал знаки. Первый был обычный, вроде как ты с проверкой. А второй... сразу ясно, подделка, – пацан помолчал, обдумывая свои же слова. – Не понимаю. Ты намеренно подставился. Ты уже здесь, но облавы нет. Объяснись, пока цел.

– Один вопрос. У меня всего один. На кой тебе и твоему гнезду сдалась артель? Она не дает еды вдоволь. Она не обещает защиту и заботу. Больше того, я точно вызнал: вы сами добываете деньги, и много, и сами кормите детей, даже не входящих в гнездо.

– Заткнись.

– Я прошу всего один ответ. Твой, настоящий. Я сунулся сюда ради этого ответа. Когда-то давно я был недоросль вроде тебя, и мой ответ был прост: чтобы гнездо выжило и выросло. Чтобы никто не смел пнуть моих младших. Чтобы они были сыты, – быстро сказал Яков и добавил: – Взрослые в артели охотятся за золотом, чтобы разбогатеть, хапнуть власть. Хотят, чтобы им кланялись. Чтобы сдохли те, кто живет лучше их... Очень много ответов у взрослых. За их ответами я не полез бы под нож.

– Деньги надо поделить по-честному, – строго и серьезно сказал пацан.

– Так... даже слова не изменились, прямо мой ответ из прошлого, – Яков поморщился, глядя на свои руки. – У артели много золота. Но для тебя нормально, что вам не помогают, с вами не делятся?

– Мы сильные. Помогают слабым. А сказал, что вопрос один, лживый Яков. – Пацан придвинул сверток с порошками. – Тебя навели те, кто пасет нас. Они видели Хому. Пожалуй, записали в отчете, что болен: его крепко рвало. И ты принес порошки.

– Я взял заранее, самые полезные по сезону. Осенью всегда или жар, или живот прихватывает, или то и другое. Отправь Хому в аптеку. Там хороший врач. Опасно наугад пить порошки, если совсем болен. Он в сознании?

– Третий вопрос, – пацан даже нагнулся, чтобы увидеть глаза Якова, упрямо изучавшего столешницу. – Ты что творишь, наглый дядя? Ты вообще чей? Страх иметь надо, всем надо, даже мне!

– Тебе особенно. Младшие – камни на твоей шее и хуже, на душе. Каждый, кто умрет – твоя гнойная язва. Он не станет взрослым. Не выучится, не женится, не купит дом, не заведет детей. Он будет мертв, а ты выживешь, чтобы корчиться: «Я не помню его лицо. Уже не помню. Я не знаю, каким он стал бы теперь». – Яков повозился, устраиваясь на шатком табурете. Улыбнулся. – Я с утра был в дурном настроении. Мол, ничего не меняется, мир черный, нет про-света. Но к ночи встретил одного из своих. Он стал почти старым, у него три внука. Знаешь, полегчало. Многие мои умерли старыми, в кругу семьи. У них выросли домашние дети, сытые и непуганные.

– Ты вообще... о чем? – насторожился пацан. – Бред же.

– Предлагаю сделку. Так будет просто и удобно. До рассвета никто не сунется сюда, слово. Твои успеют уйти. Тем временем мы двое съездим на прогулку. Жизнью клянусь, своей и всех своих гнезд: высажу тебя в городе и позволю затеряться. Управимся часа за три-четыре. Если сам ты не решишь иначе.

– Условия?

– Только одно. Не убивай никого там, куда отвезу. Если не вмоготу, я рядом, меня режь. Других не трогай. Тебя там никто не тронет. Слово.

– Ты на голову насквозь больной, дядя?

– Мне уже говорили. Но, думаю, я здоров. Кое-кто нашел годное определение для меня. Я дэв-котенок. Знаешь, кто такие дэвы?

– Нет. И я не давал согласия.

– Ты согласился. Ты любишь новое. Это – совсем новое.

В подполе зашуршало. Снизу пискнули: на перекрестке машина. Здоровенная! И никого в ней, пригнали и ушли. Забрать бы да покататься. Последние слова были сказаны громко, с явной надеждой.

– Пошли, – решил старший пацан. Оглянулся на люк подпола. – Всем сгинуть до утра. Новое место знаете. Меня не хвостить, сам управлюсь. Этого вы видели, если что...

Пацан не стал договаривать и обернулся к гостю.

– На машине покатаешь?

– Конечно. И звать тебя буду... Стариком, из вредности. Глупо, но хоть как-то. Ты не назвался, а нам еще говорить и говорить.

– Клим.

– Надо же, и ко мне прилетела птица-неслучайность! Вдруг попались два имени, одинаковые. Одному Климу я помог давным-давно, а другой – как раз ты. Что же делать? – Яков двумя пальцами оттопырил карман. – Деньги. Ты думал, сколько у меня и как умыкнуть. Я сам отдаю. Примета такая, недавно утвердилась в моей жизни: когда совпадают два имени, надо отдавать деньги. Да, я просил твоих купить еду. Пусть сами ее и скушают, ладно?

Клим тяжело вздохнул и покрутил пальцем у виска. Метнулся, изъясил деньги точным коротким движением. Бросил в люк подпола и сразу пошел к двери. Первым! Поворотясь спиной к опасному гостю. Яков оценил и, чуть выждав, двинулся следом. Через незнакомый двор, за скрипучую калитку, на темную улицу – и к перекрестку. Машина тихо урчала и светила подслеповатыми карбидовыми фарами.

– На новых фары электрические, – Яков открыл дверь и жестом пригласил Клим на переднее сиденье. Подумал и добавил: – пустил бы порулить. Но тут город.

Яков обошел капот, занял место водителя и повел автомобиль небыстро, плавно. Заговорил снова о фарах, обсуждая с самим собой старые и новые. Клим настороженно озираясь, щупал кожаное кресло, трогал стекло, прикасался к рычагу передач и сразу отдергивал руку,

как от горячего. Закончив с фарами, Яков завел речь о переключении передач и работе педалями. Сам с собой обсудил ранние ременные приводы и нынешние, весьма удобные и прогрессивные – с шестернями и сцеплением. Вот на этом автомобиле коробка трехскоростная. Вполне неплохо, но бывает и получше. Числа подобраны так себе. Инженер, видно, был самоучка или ленивый ремесленник...

– Когда мне было пятнадцать, – вздохнул Яков, вырuling из тесноты улочек на широкую дорогу, – я отчаянно хотел поделить золото по справедливости. Но я рос и думал все чаще, как именно стану делить. Еще хотел понять, насколько злые и жадные те, кто копит золото. Ведь было бы так просто – если б они не упирались. Ну, поделить.

– Знамо дело, кто ж отдаст, – буркнул Клим. Вдруг рассмеялся сухо, неумело. – Ты отдал! Ты отдал мне деньги... сам. Или ты дурак, или меня видишь дураком. Ясно же, что меня. Типа купил задешево, а?

– Разве это деньги? Это мелочь, разок поест досыта. Деньги – когда много, когда можно делить на всех до самой взрослости... В общем, я думал-думал и не нашел ответа. Решил спросить напрямую. У того, кто с золотой кровью. – Яков мечтательно улыбнулся. – Никому в гнезде не сказал, что затеваю, кроме Кабана. Он был старший. И он не стал удерживать меня. В тот же день я встретил золотого человека.

– Врешь. Тебя сразу пришибли б. Видел я охрану у этих, золотых.

– Меня пришибли, но гораздо позже. Заказчиком был не он.

– Ну-ну, ври дальше.

– Когда убивают старшего, гнездо мстит. Нет, не так говорю. Важно другое: гнезда, как и люди, взрослеют. Или научаются ценить деньги и власть, или их старшего убивают, чтобы втравить прочих в слепую месть. А дальше сплошная кровь. Младшие гибнут... и губят. Раньше не было бомб и ружей, а теперь дети страшнее взрослых в причинении смерти. Всем нормальным людям жаль их. А им не жаль никого. Особенно если их старший подло убит. Ты – их отец и мать, их закон... их солнце.

– Куда мы едем?

– Сейчас деньгами ведает Николо Ин Тарри. Ему и отвечать на твои вопросы.

– Микаэле. Я знаю имя. Знаю, что он такой один. Очень ловкий, змеюка.

– Микаэле вне игры. Артель вышвырнула его из его собственного тела. Сейчас в этом теле обитает мастер. Вы все еще зовёте его мастером?

– По разному... глупый вопрос. Ты же врешь.

– Он надел золотую шкуру десять дней назад. Старик, которого велено искать, и есть прежнее тело мастера, связанное теперь с личностью Микаэле. Так я думаю.

– Врешь.

– Мне не веришь, спроси у Николо. Отправь своих к имению Микаэле, пусть потрутся и поспрашивают. Газеты почитай. Ты умный. Сам реши, где заканчивается мое вранье и начинается общее безумие. Десять дней все золото Микаэле, вся его власть – в руках артели. Для меня это неоспоримая правда.

– Врешь, – еще тише выдохнул Клим.

– Если вру, убей меня за мою подлость. Могу дать адрес и пообещать, что не съеду оттуда неделю. Тебе хватит недели, чтобы разобраться?

– Врешь в каждом слове! – пацан закричал, срывая голос и дергаясь, чтобы достать нож, и останавливая себя. – Как можно увидеть, что твои младшие из гнезда стали старыми? Кто второй Клим? Откуда бы тебе знать про мастера? Его так не зовут, давно не зовут... Артель не может предать меня. Никогда. Я служу делу, живу для дела, я и мое гнездо...

– Твое. Вот главное слово. Береги их. Ради них ищи правду. Даже если больно. И ты обещал, что никого не убьешь там, на месте.

– Никого, кроме тебя, придурочного, – пацан взял себя в руки и снова заговорил ровным тоном. Откинулся на сиденье, надолго притих. Наконец, что-то решил и нехотя добавил: – Допустим, обещал. И недели мне хватит.

– Микаэле дал много золота тем, кто строит самолеты, – вырубивая на широкую аллею, сообщил Яков. И добавил, ведь похвастаться желал давно, но, увы, не перед кем было: – Я недавно летал. Ночью. Кромешно страшно. Облака – кисель. Фар нет никаких, и воздушные ямы, скажу я тебе, душу наизнанку выверчивают... Бесы-беси, как же я орал. Но мне даже не было стыдно... почти.

– Врешь, – шепнул Клим, отчаянно завидуя.

– Сам почти не верю, что остался жив. Ну, мы на месте. Тряпку разматываешь? Или конспирация превыше искренности?

– Конспи...

– Скрытность. Секретность. Клим, у тебя очень чистая городская речь. Ты учился. Или сам по книгам, или в прежней жизни, дома. Тебе бы доучиться на адвоката. Для начала удачный выбор. Твои влипают каждый день. Ни тебя, ни их не узаконить, если не знать закон.

– Заткнись, а?

Пацан несколько раз вытер ладони о штаны, посопел, пожал плечами – и разматал тряпку. Покосился на Якова и поморщился, заметив наблюдение за собой. Клим был худой, с бледным скуластым лицом полукровки – от местного и южанки, так показалось Якову на первый взгляд. Волосы волнистые и черные, с ночью сливаются, а глаза зеленые, аж светятся. Бровные дуги выпирают, прячут глаза – в драке это важно.

Быть на виду Климу не нравилось. Он отвернулся. Стал с опаской изучать ворота роскошного особняка. Людей у ворот. Вжал голову в плечи, когда из парка бегом явился рослый южанин.

– Мы к Николо, – сказал ему Яков, так и не припомнив, видел ли этого юношу раньше. – Встреча вне его планов, но было бы кстати устроить поскорее.

– Он, – смуглый взглядом указал на Клима и не добавил в вопрос ни слова.

– Он обещал, что в дурном настроении будет убивать только меня. У него все нормально с самоконтролем. Умеет держать слово, ручаюсь.

– Вы странно шутите, господин. Пора привыкнуть, но никто не может привыкнуть, – посетовал южанин. – Я провожу в сад. Василий там. Он тоже странно шутит. Старается делать, как вы?

Яков выпрыгнул из машины и отметил: Клим сразу метнулся по сиденью и оказался рядом. Южанин боялся так, что даже не прятал страх. Не иначе слышал о людях пустыни, убивающих на расстоянии – словом, взглядом... мало ли чуши намешано в сплетнях про чужаков?

В саду было темно и тихо. Лишь один фонарь горел – поставленный прямо на траву, маленький... Тени тянулись длинные, бархатные. По мере приближения Яков начинал разбирать голоса. Тихий детский всхлипывал и щебетал. Взрослый женский журчал и утешал. И это был голос Юны...

– Холатна. Нет: холод-но. Савсейм.

– Павлушка, как ты быстро учишься! Все слова знаешь. Говоришь все чище. Сов-сем.

– Сов. Птица. Тот дом, дом сов. Не хочу тот дом. Не надо.

– Какие совы? Мы сажаем сон-траву. Еще три росточка, и будет готова сказка. Сон-трава цветет перед рассветом. На ней роса сладкая. Дымка слизнет, меду из неё сделает и поделится с тобой.

– Дымка...

Паоло вздохнул, завозился и притих. Сразу стало видно, как разгибается кто-то рослый. Яков сообразил – Василий Норский, именно он. Держит малыша на руках. Глаза у Васи беш-

ные, таким взглядом убить можно, даже без пустынных премудростей. Вот и Клим почувал, сжался в комок. Расслабился, лишь когда Вася удалился, пропал в парке.

У фонаря снова шевельнулись тени.

– Я с ума сойду. Думала, разбудим и все наладится, – Юна чуть не плакала. – У него сам Васька брат! Ну какие кошмары с таким-то братом!

– У него идеальный слух. Кто мог подумать, что через две двери и коридор, – Яков удивился, ведь это был голос Николо. – Через две двери, да... он расслышал мои слова и решил, из-за него отец отказался от себя. Юна, я жаловался дядьке Яру. Раскис и жаловался... Мне не хватает опыта. Я не справляюсь. Надо быть гением, чтобы подбрасывать, как отец. Я правда не справляюсь. Мне стало жаль себя, я позорно расшумелся.

– Нашел, к кому идти шуметь! Яркут человек душевный, но очень по-своему. Он или ехидствует, или надевает шкуру дурака-Яна. Иногда это полезно, а иногда наоборот, хочется... голову ему оторвать хочется!

Николо тихо рассмеялся. Вздохнул, сел удобнее.

– Все из-за верфей. Я ужасно распустился из-за этих самых верфей.

В парке на какое-то время стало тихо. Яков покосился на Клима: тот окаменел и весь обратился в слух. Впитывает новое, боясь упустить любую мелочь. Удачно. Можно пока не вмешиваться в общий разговор. Так даже лучше.

– Расскажи, – попросила Юна.

– Да что рассказывать. Вчера доставили конверт от этого... который в теле отца. Письмо в одну строку: «Твое упрямство станет пеплом». А после, днем, пришла срочная телеграмма. Сгорели верфи архипелага Мьерн.

– Они так важны тебе? Они особенные?

Снова стало тихо. Роса медленно остужала парк, садилась на кожу, серебрила волосы. Роса делала мир свежим и умаляла боль души...

– Когда пароходы победили парус, на Мьерне все стало вымирать, – мягким повествовательным тоном сообщил Николо. – Пять островов крошечной нищеты... В глобальном смысле – пустяк. Но это моя первая большая покупка, очень личное решение! Пять лет назад началось. Даже папа долго не знал. Было так интересно, я спать не мог, метался между биржей, телеграфом и поверенными. Опрашивал мнения, думал. Рядом нет торговых путей, так что через порт острова не оживить. Урожай с полей никого не прокормит, там все каменное. Бухты малы, строить океанские корабли нельзя, да и везти надо буквально все с большой земли, невыгодно. В общем, пока я метался, в азарте скупил десяток клиперов. Призовых! С чайных гонок прошлого века. Элита. Они красивые, как птицы, и они живые... Но их слава в прошлом. На них, бесполезных в новом веке, возили мазут, дублёную кожу и уголь. Богатый фрахт парусами не поймать, денежный ветер переменился. Было больно смотреть на их гибель, я перекупил – и поставил в мертвый порт. Загрузил верфи ремонтом. Стало лучше, задышали острова. Но это было временно и ненадежно. И вдруг – телеграмма от папы. «Фрахтую „Золотую лань“, на пять дней для чаепития». И все перевернулось.

– Из-за нескольких слов?

– Папа волшебник. Он понимает, что деньги – всего лишь отражение людей. Кривое, очень часто ложное. У карликов случаются огромные денежные тени с кровавой оторочкой, а у гениев иной раз нет теней – они сияют... и гаснут голодной смертью. Папа всегда умел правильно двигать людей и обстоятельства, чтобы свет дела и тень денег стали соразмерны, чтобы не давили человека и не разрушали его. И еще он умел использовать репутацию, связи и слухи. После той телеграммы газеты будто взорвало! Все напечатали фото «Золотой лани» на первой полосе. И месяц несли чушь, расписывая всячески бриллиантовое чаепитие, примирение князя с первой женой и романтику морских прогулок. Мьерн стал самым модным местом отдыха... в мире, наверное. На меня надели все, кто прежде подшучивал и называл

папиным нахлебником без чутья к золоту. Они хотели купить землю, зафрахтовать клипер для чаепития, построить яхту... Ты правда ничего не слышала?

– Нет. Вот если бы на островах, – Юна пожала плечами, тени шевельнулись: она наклонилась и шепнула на ухо Николо, – если бы там рос редкостный цветок, другое дело. Я в то время читала только про цветы. И не покупала газет, зачем тратить деньги? Но я рада, что острова ожили.

– Моя коллекция кораблей росла и росла. Вчера в ней было три десятка призовых клиперов... – Николо выдохнул со всхлипом. – Их сожгли. Вывести на большую воду успели с десятка, а прочие... Юна, ведь из злобы, даже без выгоды! Этот черный человек отнял у меня отца и захотел причинить новую боль. Пеплом развеять то, что я создавал. Он справился. Мне сообщили, и я ощутил себя ничтожным. Погибли люди. Газеты разразились заказной истерикой: от юного князя отвернулась удача... Мьерн снова под угрозой запустения и нищеты. А меня насмерть ссорят с Дюбо, пущен слух, будто я обещал разорить их в отместку за Мьерн, будто жгли они, будто я хочу ответно отжать у них новые верфи и строить танкеры. Но я не говорил подобного. А они – поверили...

– Жалуйся дальше. И если кто-то вздумает нас подслушивать, я откручу их бессовестные головы, – громко сообщила Юна.

– Мне уже стало легче, – Николо оглянулся и сразу встал. Сделался отчетливым силуэтом на фоне фонарного света. Кивнул гостям, толком их не видя.

– Это я, Яков, – издали подал голос Яков и пошел к свету, придерживая пацана за плечо.

Клим двигался деревянно, рывками переставлял ноги, и получалось так, будто тело его не слушается. Он, без сомнения, уже понял, куда попал и чей разговор подслушал. И он никак не мог уместить в голове – его не убили, его не гонят прочь, от него не шарахаются...

– Николо, вы слишком ответственны, – продолжил Яков. – Не надо так много ждать от себя. После разговоров с Микаэле мне представляется, что ваша семья – жонглеры. Ваш папа подбрасывал и держал в полете безумное число золотых шаров... и вдруг пригласил на арену вас, а сам ушел посреди номера. Вы остались работать вместо него. Публика в восторге и предвкушении. Толпа обожает освистывать и охаивать. Есть такие – они ходят в цирк, мечтая увидеть акробатов, падающих с каната, и фокусников, у которых кролики застревают в шляпах.

– Что же делать, я правда не могу удержать все, что подбросил папа, – Николо виновато развел руками. – А это чьи-то судьбы. Если сдамся и прерву выступление, будет катастрофа. Мне некого позвать на замену. Наши обычные обходные схемы не сработают, ведь старший князь дома способен в любой миг порушить их, за ним право и сила. Пока, увы, все именно так плохо...

– Тогда ответ очевиден. Делай, что можешь и не слушай свистунов. Кстати, этого юношу зовут Клим. Он всей душой желает, чтобы деньги были поделены по честному. Я рад, что именно сегодня вы встретились. Клим тоже старается изо всех сил, от души. У него, как и у вас, многое валится из рук. Но Клим дорос до того, чтобы задавать вопросы напрямую.

– Знаете что, доросшие, – тихо и зло сказала Юна, – а идите-ка куда подальше. – Ники надо выпастся. Утром станете портить ему кровь. Яков! От тебя не ожидала. Уж ты-то...

– В чем еще я неправ? – с напускным смирением вздохнул Яков.

– А в чем ты прав? Ты постоянно приводишь детей в нездоровом, недопустимом состоянии. Вот опять: мальчик голоден, плохо одет и ужасно, вовсе не по сезону, обут. Он же заболит!

– Ты видишь в темноте?

– Когда злюсь... да, – почти не удивилась Юна. Подошла ближе, пристально глядя на Клима. – У него взгляд как у Васи в нашу первую встречу. Ники, надо выделить средства для его подопечных, у него конечно есть такие. Помнится мне, Вася, пока в корпусе творилось невесть что, держал в страхе весь пригород, и только так мог добыть еду младшим. Клим, вы

наверняка добываете деньги всеми способами. Клим, это совершенно недопустимо, и однажды вам станет больно думать о своих ошибках.

– Терпи, Вася дразнит ее заучкой, – громко прошептал Яков. Одернул себя и постарался избавиться от неуместной веселости и еще более опасной беспечности... но все же закончил фразу: – Юна преподавала в пансионе. Она и теперь норовит всем детям выдать еду, учебник и домашнее задание.

Клим стоял все такой же деревянный, моргал и морщился. Переводил взгляд с одного лица на другое. Потел, кусал губы...

– Ты и есть Ин Тарри, – сказал он наконец. – Настоящий золотой человек. От рождения до гроба... в золоте. Точно?

– Поправка, – Николо поддернул запачканные землей манжеты. – Я не знаю, где родился. До пяти лет жил в приюте. О том времени помню мало... Холодно было, и еще крыса. Рыжая. Она бегала по одеялу, и я не мог спать, боялся, что она съест лицо. Но пришел папа и забрал меня. С пяти лет все в золоте.

– Ты, – Клим рывком отвернулся от князя и уставился на Юну, – тоже из золотых?

– Вот, – Юна добыла из кармана сто рублей. – Это все мои деньги. Таскаю с собой, а зачем? Меня кормят, но наружу не выпускают. Подкупить соткой никого в особняке нельзя. Хочешь, и эти отдам.

– Юна моя гостя, – пояснил Николо. – Дорогая для души, хотя мы знакомы недавно.

Клим снова рывком повернулся и глянул на Якова.

– А ты? Кто ты, наглый дядя?

– Я сам по себе. Однажды пришел к Микаэле и потребовал солидную сумму, чтобы мои гнезда хорошо развивались. Он выделил средства и поставил условие: присмотреть за его детьми. Я присматриваю. – Яков положил руку на плечо Клим и осторожно придвинул его к себе, чтобы расстояние от пацана до Николо стало безопасным. – Так я стал состоятельным. И цель моя сделалась достигаема: Пашка-Шнурок дописал труд всей жизни под названием «Устав вольных воспитанников». Желает устроить самоуправление в среде учащихся, приглашенных с улицы. Идей много, даже слишком. Николо, там есть и такая: походы на парусных судах и шлюпках. Он вписал еще самолеты и автомобили. Он бы и паровоз вписал, но я успел отнять перо.

– Он подал мне на рассмотрение. Толково, – кивнул Николо. – Со временем даже станет прибыльно, это когда он научится совестить и ублажать меценатов. Павел Котов гибкий и умеет ладить с людьми, у него получится.

– Вы можете отправить детей на Мьерн. Пусть разбирают горелые верфи. Уверяю вас, уцелевшие корабли будут в исключительной безопасности. И, если на острова забредет борзый газетчик, ему же хуже.

– Но детей он станет подбирать лишь весной, – огорченно возразил Николо. – Я слышал, как за обедом Павел Котов обсуждал тему с Юсуфом и Василием, а дядька Яр их всех отчаянно ругал. Думаю, на самом деле он ревновал и желал войти в дело.

– Дети для пробного набора, может статься, найдутся немедленно, – Яков сжал пальцы на плече Клим. – Хотя я могу и ошибаться. У Клим под рукой довольно-таки многочисленное гнездо.

– Давайте отложим до утра сложные темы, – Николо снова поправил манжеты. – Признаю, я очень устал. Вышел в парк, чтобы отдохнуть. Учился сажать ростки, надеясь подкупить Юну или разжалобить, но непременно выслушать любимую сказку брата. Стыдно, я занят и не знаю то единственное, что обеспечивает Паоло крепкий сон. Клим, вы сможете задержаться в имении хотя бы на день-два? Мне порой трудно выкроить время. Но мы могли бы кушать вместе, меня не отвлекают делами во время еды. Завтрак в пять. Вас устроит?

– Да, – Клим кивнул быстрее, чем понял свой ответ.

– Хорошо, в таком случае желаю всем доброй ночи, – Николо отвернулся было, но остановился и оглянулся. – Яков, вы серьёзны в отношении детской морской школы на Мьерне?

– Вы сами дали идею, рассказав про острова. Там бухты малой глубины и неплохая погода. Рядом нет большого города, просторно.

– Определенно, вы прибыли кстати. Юна, идемте.

Князь удалился, следом неслышно скользнули люди его охраны, южане – Клим, кажется, лишь теперь их заметил и передернул плечами. Сел, как подрубленный. Долго молчал.

– Что такое клепер? Или как там его?

– Клипер. Пошли, покажу. В стеклянной галерее три десятка картин. Николо без ума от кораблей, это был удар в сердце – сжечь верфи.

– Клипер. Корабль... и только паруса, нет паровой машины?

– Эта история началась больше полувека назад, когда скорость доставки груза стала поводом для устройства парусных гонок. Наверняка в библиотеке Николо есть подходящая книга, не очень научная и не слишком длинная, с рисунками и данными о победителях – капитанах и кораблях.

Клим поднял руку, обрывая поток слов. Судя по лицу, он мгновенно разозлился и так же сразу взял себя в руки. То есть понял, что его кормят сладкими обещаниями, и постарался вернуться к теме, которую обдумывал.

– Ты пришел к старшему князю, потребовал золото и он отдал? Неужто просто так, вот тебе, чужаку с улицы...

– Да, он принял решение после нашей первой встречи, сразу. Микаэле умеет видеть людей насквозь. Он велел брать с запасом, понимая, что из-за истории с артелью не сможет повторно выделить средства долго... даже если уцелеет.

– И я мог прийти, потребовать? Меня бы пропустил Курт-волкодав?

– Ну, знаешь ли, требовать неумно и неправильно. Пашка-Шнурок год писал план дела, считал деньги до копеечки: и как расходовать, и на чем заработать. Он даже первый список меценатов уже подготовил. Ин Тарри не помогают тем, кто берет, чтобы разбогатеть. Они поддерживают настоящих сумасшедших, для кого вопрос жизненный, а не шкурный.

– Я мог прийти, – снова повторил Клим. – И не сгорела бы верфь. Если б мои были на островах, не сгорела бы. Клиперы. Парусные. Ха, я думал, меня хотят задешево купить, а меня – задорого... ведь не может все это быть на самом деле. Никак не может. Где-то ловушка. Нет: все тут – ловушка. Хитрющая. Все это имение подставное! Мне подсунили какого-то парня, и я уши развесил. Почти поверил, что он и есть князь. Ха! Князь. Сидит и в грязи копается. Князь, как же...

Пока Клим сопел и бормотал, Яков поднял фонарь, осмотрел: масла на донышке, но еще есть и даже, пожалуй, хватит.

– Вставай, пошли.

Положив руку на плечо Клима, который больше не дёргался от прикосновений и даже не замечал, что его ведут и поддерживают, Яков зашагал через сад. Все пока складывалось слишком гладко. Еще бы понять: где же галерея с картинами? Он и был-то в ней всего раз, когда Пашка Котов показывал клиперы, сходя с ума и задыхаясь от избытка радости... Высокие окна – от пола до потолка, целиком стеклянные, с витражными вставками. Яков помнил их, но не мог сообразить, где именно искать, тем более ночью. Из-за спины призраком явился Юсуф. Отобрал фонарь.

– Клиперы посмотреть, – шепнул Яков.

Юсуф не возразил, повел короткой дорогой, пользуясь неприметными лазами в зеленых изгородях. Зажег электрический свет в галерее. И сам стал водить от картины к картине, поясняя: почему выбрано именно такое название корабля, кто художник, новая картина или старая, в каком году корабль победил в гонке и уцелел ли он после пожара на Мьерне.

Долго-долго Клим стоял перед маленькой картиной почти в самом углу. Отчего-то именно этот корабль он выбрал из всех, еще не узнав его имя. С распахнутыми во всю ширь глазами, каменно неподвижный, он слушал про постройку, участие в гонке и страшный шторм. Про первое имя – «Астра» и его смену, ведь крушение сочли проклятием, позвали белых жив и попросили дать паруснику новую судьбу... Так он стал «Золотой ланью» и был успешно снят с рифа, восстановлен. Но, увы, время клиперов уже прошло, спасенная «Лань» дешевила и меняла хозяев, превращаясь в грязную, скрипучую развалюху... Николо нашел ее и выкупил за смешную цену. Полностью восстановил, даже перевез на острова уникального резчика по дереву для точного повторения фигуры женщины под бушпритом – такая была изначально, еще на «Астре». И вот эта маленькая картина изображает обновленную «Астру», ценитель поймет по набору парусов и иным мелким деталям. Картину написал Микаэле Ин Тарри, она, как и вся галерея – подарок, полученный Николо не так давно. Часть имения, ставшего для него резиденцией.

– «Лань» ведь не сгорела? – жалобно спросил Клим, глядя на Юсуфа и уже не отодвигаясь от пустынного, такого страшного и большого...

– После прошлого ремонта Ники сберег все промеры, чертежи, рисунки кают и надстроек, подробные описи мебели и отделки... как чувствовал. Осталось много фотографий. Могу найти альбом. – Юсуф прищурился, что-то решая. – Держи друга рядом, а врага еще ближе, сказал мудрец. Я смиренно последую завету. Рядом, во второй линии, у нас есть еще один наш особняк, он пустует. Твоя банда могла бы захватить его уже завтра, о непочтительный враг моего господина и хозяина. Подвоз дров и продуктов налажу. С тебя список размеров обуви и одежды захватчиков. И примерное их число, я не допускаю расхода продуктов попусту.

– Зачем бы такому, как ты, делать одолжения такому, как я?

– Сделка, – улыбка Юсуфа была змеиной. – Накормлю, одену и согрею. Все – в долг. Но «Золотая лань» должна быть снова спущена на воду через... три года, да? Пусть именно через три, о гость, охочий до чужого золота. Решено. Не справишься, я перережу твоё горло. Лентяи не должны дышать заемным воздухом до старости.

– Но деньги не твои, – вскинулся Клим. – Все подарки от князя, что за сделка?

– Я уже подарил тебе жизнь, о враг моего друга, – совершенно серьёзно пообещал Юсуф. Кивнул, подтверждая сказанное. И беззвучно сгинул...

Яков проследил всю сцену молча, и даже не рассмеялся, наблюдая занятнейшее выражение на лице Клим, когда от остался один перед картиной.

– И что же теперь... – устало пробормотал Клим, озираясь. Добрел до кресла, ощущал шелковую обивку, скривился и сел на пол.

– Прежде всего я вернусь к тому Климу, другому – который теперь взрослый и который мне друг. С него начался вечер, он переживает за меня. Твои младшие убили его людей. Мне надо понять, устроены ли семьи. Что можно и нужно сделать для осиротевших детей. Ты думал, что у них могли быть дети? Что эти дети не нуждались в золоте Ин Тарри или еще чем-то, пока жили в полной семье?

– А если и думал... они сами полезли, ужасно грубо. Хотели сдать Хому жандармам.

– Разберусь. Тебя и твоих в дело не буду мешать. Если вы не намерены принести извинения. Подумай. Это больно, но иногда очень полезно – извиняться. Даже за то, что уже не исправить.

Клим кивнул и снова оглянулся на картину. Парусник лежал в полупрозрачной ладони волны, картину рассекал узкий луч света – как нож. Луч прорвал тучи и ударил в борт, и сделал черную пену волн – жемчугом...

– Я не стал бы брать деньги Ин Тарри для некоего Клим и горстки его пацанов, – Яков сел в кресло. – Мне надо больше. Отнять у артели всех детей. Всех! Я хочу, чтобы они выросли, выучились, нашли себе дом и дело. Дожили до старости.

Клим покачал головой и усмехнулся. Вслух он не сказал свое любимое «Врешь!», но определённо подумал. Он устал спорить и вообще – устал. Все слишком, все странно, мир развалился, и сам ты – корабль, схваченный штормом. Впереди рифы, удар... и дальше – кто скажет?

– Тебе подарил жизнь сам Юсуф... Значит, ты можешь уйти и все, что слышал здесь, рассказать взрослым в артели, чтобы они передали мастеру. – Нехотя признал Яков. – А можешь остаться и позавтракать с Николо. Что дальше – не знаю. Будет трудно. Но сам я постепенно повзрослел и понял: деньги не поделить по-простому. Ты думаешь, деньги – мертвое золото. Вещь. А они... пар в машине людского общества. Их надо заставлять работать. Ин Тарри на мой вкус вроде инженеров. Точно просчитывают КПД любого дела. Знаешь, что за штука – коэффициент полезного действия? Придется выучить, если останешься здесь. Конечно, тебе не выдержать темпа работы Николо, он спит по четыре часа, он помнит всех и все... Но и ты будешь пыхтеть, тащить свой вагон дел. Учиться.

– Он точно из приюта?

– Да. Он и еще один сын Микаэле. Иди, отдыхай. Тебя проводят, вон человек у двери, давно стоит и ждет. А вот мой адрес на этой неделе. Сделка в силе.

–

Выползок, первая жизнь. Десять дней до смерти

– Ну и толку – понимать в золоте больше, чем кто-то еще, – хмыкнул Локки. —Золото оно и есть золото.

– Ты упрямый, братец Локки, – задумался Йен. – Из-за одной буквы в имени мы спорили месяц, и все равно мне пришлось уступить. Ты безнадежно упрямый... первый раз я оказался бессилен хоть что-то объяснить и отстоять. То есть с тобой такое –каждый раз, тебя нет в сети золота. Я о чем? Не знаю, как объяснить свой дар, а ведь очень хочу быть понятым. Пробую снова... представь: ты зрячий, а все кругом слепые. Ты знаешь, что небо синее, трава зелёная и летом летают бабочки. Ты знаешь, что орел в вышине, ворон сливается с ночью, голуби умеют кувыркаться и вспыхивают светом. А прочим слова-то такие не нужны! Они не видят. Синее, солнце, небо, бабочки, орлы... все – пустое.

– Принято. Золото тебе –целый мир, а мне –желтый кругляш, –кивнул Локки, тайно гордясь тем, как смог изменить последнюю букву в имени. Зачем спорил? Трудное было время, полудохлого Йена никак не удавалось расшевелить. Сгорели запасы зерна, была разгромлена пивоварня. То и другое Йен полагал важнейшим: не золотиносным, а жизненным. Зерно спасает от голода, пиво в гнилом, пропавшем нечистотами, городе – безопаснее воды. Поэтому в крупных поселках и в каждом районе города поблизости от замка Йен за счет княжеской казны копал и выкладывал камнем огромные емкости – пивные колодцы, так он называл их. Привозил издали семьи мастеров-пивоваров, создавал для них выгодные условия жизни. Радовался продвижению дела, делился с Локки: он уверен, если люди варят и пьют пиво, то живут дольше и болеют реже... И вдруг – пожар, погром! То и другое не случайность. Йен видел нити – золотые связи злодеев и их злодеяний. Он все понимал умом... и не мог внутренне смириться, сам-то не умел завидовать. Пришлось устроить долгий спор по поводу имени, а заодно вывести подробности о главных бедах, вовлечь в дело гнездо. В зиму Кабан поселился в городе и назвался новым пивоваром. Наконец-то – в его возрасте давно пора – завел свое гнездо. Понабрал нищей детворы, заодно разыскал осиротевшую малышку погорельцев. Его дом тоже пробоваали жечь, но Кабан – это Кабан! Куда местным наемным негодьям до его навыков в обнаружении чужих ловушек и установке своих?

Вроде все правильно, а гнездо Локки осиротело... без Кабана всем младшим неуютно. Зато сам он уже к весне звался пивоваром княжеского двора, слыл фигурой важной и таинственной. Явился невесть откуда, от злодеев отбился и обрел покровителей. Опасный человек. В городе стали завистливо шептаться: того и гляди титул выхлопочет. Первое толковое пиво отправил не абы кому, а настоятелю храма. Испросил благословения для нового дела на новом месте, а еще смиренно молил о совете и наставлении. Как будто знал, что пиво – слабость пожилото светоча веры, а советы и наставления – тем более! В общем, настоятель Тильман лично посетил и благословил дом и дело Кабана. И только Йен знает, во что обошлось благословение – он натягивал нити поддержки, он же эти нити укреплял, вплетая золото без скупости.

Локки улыбнулся. Трудно жить в чужом краю. Больно. Сперва все тут казалось чужим, неправильным, и так было – проще. Отторгать, а в душе лелеять надежду: я однажды вернусь в тайгу, я стану сильный и мудрый, все наладится в моей жизни, и в жизни каждого малыша моего гнезда.

Теперь прежней простоты нет и в помине. Здеиные законы уже не кажутся отвратительными и глупыми. Просто они иные. И здеиные люди чужды, но и они не кажутся негодными. Жизнь у них не такая, как дома – но устроенная интересно и сложно. Йен много рассказывал о торговле, о постройке больших кораблей, о гильдиях, о складах в портах, о ненадежных, полузаконных ссудах – их порицает храм, а ведь они дают возможность начать большое, непосильное без денежной поддержки, дело!

– Я слушаю, – отвлекаясь от мыслей, заверил Локки. Он заметил, что Йен притих и добавил. – Правда, я внимательно слушаю, не моргаю и не упираюсь, хотя золото мне непонятно.

– Хорошо. Золото – это мой мир. В нем свои цветы и птицы, своя погода. Торговые сделки. Виды на урожай. Долги старые и свежие, запасы в амбарах, товар на дорогах, жадные разбойники в лесу, мздоимцы у ворот... Что еще? Число работников годного возраста и их готовность работать, алчные наследники, великие мудрецы, готовые дать миру новое, – перечислил Йен задумчиво. – Большой и сложный мир. Он пульсирует, дышит. Золото в нем как кровь, течет и меняет все вокруг. Я – зрячий. Могу править русла рек, устранять засухи и гасить пожары.

– Так в чем беда?

– Все кругом слепые. Положим, я начну рассказывать им, что вижу. Их ответ?

– Я бы слушал взахлеб. Я уже слушаю!

– Ты – да. Но прочие назвали бы меня безумцем и возмутителем спокойствия. Тихо удавили, пока я не начал говорить о золотом мире всем подряд. Пока мои идеи не стали опасно бурлить в умах.

– Возможно, – нехотя признал Локки.

– Допустим, я унялся и стал говорить важное немногим избранным: куда ведет дорога, где подстерегает опасность. Ну, с этим способом жизни все ясно. Я уже сижу в железных бабусах при хозяине. Он очень старается, чтобы никто не узнал источник его растущего благосостояния. А еще он боится меня, ведь я зрячий, и он понимает, я многое могу. Он уже теперь намеренно и злобно мешает мне – из зависти и желания показать свою силу. Скоро станет хуже, он захочет убить, не считаясь с моей полезностью.

– Допустим, – приуныл Локки. – И как же быть?

– Искать таких же зрячих, им ведь не проще выжить, чем мне. Пока что ходить с палочкой, притворяясь слепым. Иногда и очень осторожно забегать вперед, убирать с общей дороги преграды. Или оставлять знаки, которые позволят слепым заранее понять: впереди пропасть, надо в обход. Моя жизнь – бесконечное выступление канатоходца. Ни одной ошибки, ниточка тонкая, а внизу – дикая толпа, которой зрелище моего падения желанно.

Локки загрустил. Теперь он и правда понял. Захотелось выть... но не здесь! С утра Йен объезжает свои обожаемые пивоварни. Задержался в этой, ближней к замку. Он очень уважает старика, которого уговорил переехать издалека, с берега холодного моря... Он вообще умеет ценить людей. Видит в них лучшее. А сам – не ценим. Он маленький, блеклый и вечно мерзнет.

Конечно, за то время, пока Локки-Волк числится его личным рабом, Йен изменился. Подрос, перестал кашлять и даже внешне поменялся. Волосы обрели золотистый тон, а были серые, словно пылью пропитанные. И кожа была серая, а теперь – румянец на щеках проступает. Слабый, но это уже что-то.

– Поешь вот.

– Ты слишком жалостливый, братец оборотень. Я скоро растолстею, – хихикнул Йен и охотно принял хлеб с мясом. Прожевал, запил легким пивом. – Интересно, сколько мне лет? Нет, не интересно. Я отвлекся, а ты еще не понял моего дара.

– Я кое-что начал понимать. А если тебе вообще не помогать никому, просто жить для себя?

– Что, добровольно глаза себе выколоть? – огорчился Йен. – Я уверен: всякий, у кого сильный дар к золоту, подобен мне. Он растет, сознает себя и выбирает, как жить. Чтобы стать канатоходцем, надо неустанно учиться и трудиться. Это утомительно, но интересно... или наоборот, кто то скажет: интересно, но утомительно. Добавит: непосильно и опасно. Он будет по-своему прав. Но если у нас, зрячих, хватает силы всю жизнь работать, то мы делаемся почти всемогущи... постепенно. Конечно, сперва братец-оборотень должен помочь снять железные башмаки и уволочь в лес, подальше от хозяина. А вот когда мы себя жалеем... мы или слепнем, или делаемся дрянью. Мошенниками, грязными посредниками в темных делишках. Мы мстим миру слепых за то, что он изуродовал нас. И продолжаем уродоваться.

– Ты снимешь башмаки, – пообещал Локки. – Мы ведь все подготовили, да?

– Осталось наладить впрок некоторые второстепенные дела, – кивнул Йен. – Я не желаю видеть этот край нищим и убогим, однажды вернувшись. Торговые связи, пригляд за дорогами, общинные амбары – это я устроил. Но послабление ростовщикам в обмен на...

– Не надо подробно.

– Хорошо. Но ты ведь понял, – Йен улыбнулся шире.

Локки не ответил, резко развернулся, еще не видя угрозу, но заранее чуя ее, как умеют лишь звери и... оборотни.

Лисенок стоял в дверях. Он был бледным и как-то незнакомо, болезненно подергивался. Он был здоров, не ранен – Локки метнулся, проверил лоб, встряхнул за плечи, заглянул в глаза. И все же...

– Я полез в кладовку за дворцовой часовой, – тихо, нехотя выдавил Лисенок. – Там сладкое к празднику. А ты же знаешь... ну, мои повадки. Вот.

– Дальше.

– Они пришли. Я затаился. Они говорили. После я проследил... В общем, все правда. Тебя, – Лисенок встал на цыпочки и глянул на Йена через плечо Локки, – то ли продали, то ли отбирают силой. Король прислал карету. Снаружи она карета, но внутри клетка. Тебя посадят внутрь и наглухо закуют вход: ни двери не будет, ни замка, ни ключа. Ты будешь зваться казначеем его величества. Все сделают завтра. Утром. Они знают, что ты в городе, и что учуешь подвох вблизи... они еще не ставили в известность здешнего князя. У них особые права.

Лисенок всхлипнул и отчаянно вцепился в руку Локки. Дернул его к себе, уткнулся в плечо.

– Я бы сказал: «Брось его». Я бы сказал... но я сам к нему привык. И нам не уйти запросто, про нас знают. Эти, они говорили и о тебе. У них есть записи. Много, подробные. И еще. Я метнулся... внешние ворота города уже сейчас наглухо закрыты. Вот так.

– Кому-то успел дать знак? – прикрыв глаза и собравшись, уточнил Локки.

– Никому.

– Йен, что скажешь?

– Есть нитка. Тонкая... из столицы тянется. Я видел, но я не понял, что это важно. Указ не оглашен, нить не натянута и силу свою не показывает.

Йен говорил быстро и смущенно, словно был в чем-то виноват и оправдывался.

Локки мгновенно озлился – и так же сразу остыл от гнева. Никто не виноват. Нельзя одному играть против всех – и запросто выиграть. Он знал, он понимал куда лучше, чем Йен. Но не хотел знать и понимать – намеренно. Страх бы ничего не дал. Только отнял остаток сил и решимости.

– Лисенок... Нет, Йен. Сперва ты. Отсюда до пивоварни Кабана один дорогу найдешь?

– Да, но...

– Дойдешь. Лисенок! Сними с него башмаки. Ключ готов? Отдай ему свою одежду. Ты сегодня будешь Йен. Я верну тебя в замок и уложу спать. Я точно знаю, ты – выберешься. Верно?

– Да. А сам-то...

– Я тем более справлюсь. Но ты уйдешь сразу, в ночь. Заберешь Йена. Нашим лазом под стеной не пользуйся. Воровской знаешь? Вот им и иди. Дальше – бегом к Ворону. Скажи ему: черный час. В гнезде определенно подсадной, и вряд ли один. Нельзя медлить и сомневаться. Я не готов потерять хоть кого-то. Йен теперь тоже с нами. Ясно?

– Да! Но как же ты? – Лисенок возился с замками на башмаках, а еще он плакал. Растирал грязь и ржавчину по лицу, опять шмыгал носом и всхлипывал громче, отчаяннее.

– Иного выхода из западни не вижу, хотя я Волк. Все. Прекрати рыдать, не маленький. Укутайся, понесу на руках. Скажу, что хозяина разморило с пива, он молод и не привык. Им такое в пользу, они обрадуются и не станут проверять.

– Я не уйду один. Нельзя из-за меня... – залепетал Йен, вдруг делаясь совсем ребёнком, окончательно беззащитным.

Он не договорил – смолк, впервые за время знакомства получив оплеуху! Шало дернул головой, потрогал горящую щеку, растер затылок.

– Ты...

– Я Волк. Я принимаю решения и веду... стаю. А ты просто знаешь свое место. Сейчас мы уедем. Ты выждешь, пока вот эта свеча не угаснет. После возьми тот мешок. Кряхти, гнись и молчи. Иди вниз по улице, на мерзкий запах. Там помойка. Дорога одна. Поймешь даже без навыка, есть ли за тобой слежка. Если нет, от помойки прямо беги к Кабану. Если есть, иди через

помойку, в квартал нищих, и жди Лисенка там. Ясно? Или ты не такой умный, как говорил?

– Ясно.

– Лисенок! Готов? Башмаки на себе застегнул?

– Да. Я могу взять в его спальне все, что пожелаю?

– Бери, – недоуменно согласился Йен.

– Что в карманы влезет, только так. Все, пора.

Локки вынес «хозяина» на руках. Он укутал лже-Йена в покрывало, но все видели рыжевато-серые волосы, тяжелые башмаки. Этого им было довольно. Вот лже-Йен бережно устроен в карете. Локки захлопнул дверцу, поклонился старшему охраны и пожаловался, растирая шею таким точно жестом, каким недавно тер сам Йен: хозяин пьян, и пока не заснул, клялся всех со свету сжечь. Обладатель роскошного доспеха опасливо поёжился. Это движение создало скрип и лязг. Лисенок в карете старательно рыгнул, замычал... и никто не посмел проверить, исполнит ли он угрозу, проснувшись окончательно.

Карета покатила к замку. Волк запрыгнул на подножку и ехал, вцепившись в поручень и подставя лицо ветру. Лицо ощущало свежесть, но душа оставалась в помоечной духоте страха. Выбранное решение – плохое. Вот только иного нет, а скоро не станет и этого способа сделать так, чтобы гнездо выжило. И Йен – тоже.

Очень хотелось разжать руки, спрыгнуть и бежать без оглядки... Но в карете был Лисенок. Рыжий пройдоха, презирающий любые замки и законы. Он тоже должен был уцелеть. Обязательно.

Локки отнес Лисенка до самой спальни на руках, не позволив никому вмешаться. Уложил, погладил по голове. От дверей следили... Лисенок исправно изображал пьяного и беспробудного. Лишь на миг сжал руку и выдохнул едва слышно: «Когда заведу свое гнездо, воровать не смогу, буду просто взвешивать чужие кошельки на ладони, вот увидишь».

Локки улыбнулся, поправил одеяло и покинул спальню. Усмехнулся. Лисенок упрямый, еще на что-то надеется...

Пусть так. Даже к лучшему.

На галерее Локки встретили двое незнакомцев, богато одетых и властных. Спросили, куда идет. «Хочу задать вопрос князю, но не смею беспокоить в такой час», – ответ выговорился быстрее, чем осознался умом. И Локки пошел в каминный зал. Пока он говорит с князем, выигрывает время для всех, и в первую очередь для Лисенка и Йена. А после... поле время станет работать на врагов.

Он шел и думал о Кабане. Знают ли о нем? Захочет ли он уйти? Сможет ли? У него теперь свое гнездо. И нет ему защиты, ведь Йен лишился тайной власти над деньгами князя и через них – над его людьми и законами...

Черный вечер, а за ним – черная ночь. И чёрный день, первый из многих. И никакого света впереди. Только боль и смерть. Невизбежно.

Глава 4. Песья свара

«Переборы сегодня», газета

«Купец второй гильдии Степан Щуров сообщает о своем искреннем намерении изучить тенгойский язык. Для такого дела он подыскивает наставника. Оплата достойная. Особое условие: сугубое, переходящее в полную безмятежность, терпение. Сверх того готовность давать уроки в любое удобное для господина Щурова время дня и ночи. Дополнительное условие: запрет на распитие крепких вин, даже если сам наниматель будет к тому склонять преусердно».

—

На станцию «Переборы» снизошло двенадцатое по счету тихое утро. Некоторые жители даже выразили неудовольствие: раньше-то и ярмарки не были надобны, и скоморохи, Щуров так вжаривал, только держись. Страшно, да. Но ведь и интересно! А теперь? Скукота. Осталось одно – наблюдать за поездами.

Пробило пять часов. У темного западного горизонта возник гул. Зло и остро сверкнул электрический глаз и стал надвигаться, ослепляя. Это мчал Одноглазый Бес, скорый дальний, прозванный так за громадность черного паровоза, бешеный ход и, конечно, за особенную, по тенгойской моде устроенную, одиночную фару-прожектор.

Одноглазый на пути от столицы Тенгоя до здешней столицы – Трежаля – делал лишь одну остановку, на границе Самарги. Мимо «Переборов» он пролетал дважды в месяц. Сегодня, как обычно, Бес миновал станцию, не тормозя: гаркнул жутким басом, напустил пара – и сгинул в осеннем тумане.

Для многих Бес воплощал мощь прогресса, рядом с ним «Переборы» вдруг делались провинциальными и старомодными. «Сам Щуров – лишь купец второй гильдии, а мы и вовсе пыль дорожная», – думали некоторые, провожая взглядом Беса...

А вот и Мелкий Бес подал голос. Прозвище к нему пристало, конечно, из-за предписанной графиком привычки являться следом за Одноглазым. Казенное название у паровоза скучное: НК-18, и дело его малое – каждодневная пригородная перевозка. В иные дни Малого Беса вроде и не замечали. Лишь в сравнении с великолепием скорого он ранил тщеславие переборских обывателей, а то и Щурову портил сон.

Мелкий Бес притормаживал всегда издали, заблаговременно. Устало пыхтел, старчески скрипел. Наконец, замирал у перрона, распахнув беззубые рты дверей – словно засыпал... Люди сновали туда-сюда, перекликаясь, суетясь. Мелкий Бес первый забирал утренних пассажиров и вез в столицу. Он же высыпал на короткий переборский перрон горсть небогатых путников с дальних станций, все больше – щуровских работников.

Вот и сегодня: утро ранее – нет толчеи, нет шума, темно и холодно... но торговые ряды просыпаются. Лавочники принимаются топить самовары, кое-кто ленится и выкладывает вчерашние плюшки, а иные спешат подать свежие. Продавцы говорят друг другу неизменное во веки вечные заклинание от соседского сглаза: «Ну нет торговли, ну вовсе убыточный день»...

– Я бы кое-что поменял. Не возражаете? – вдруг предлагает негромкий, прикашливающий голос.

И тот лавочник, кому задан вопрос, ощущает себя избранником судьбы.

Загадочного человека все на станции зовут Лексеєм. Именно так, без отчества и чуть фамильярно: следом за Щуровым, по его привычке. Сам купец, кстати, пока что крепко спит

и проснётся часам к семи. Но гость его, по слухам, вовсе не отдыхает! Первый случай на памяти станции: воловье упорство Щурова надломилось. Клялся умотать гостя, так закидать делами, чтобы сдох под их грузом... а сам запросил передышки! От удивления поговорил с сыном, подробно и без крика. Выслушал дочь, хотя прежде надсаживался при первом ее слове: бабе место на кухне, даже если она – не чужая и не глупая, но пусть-ка помолчит... А теперь – чудеса. Дочери позволил войти в дело и обустроить салоны женской моды, как она давно желала. Сына мирно отпустил в Тенгой – прямо сегодня Одноглазый заберет его из столицы. Глянет Степан Степанович на родные «Переборы» из окна купе – и умчится на чужбину. Закупать станки, свое дело вести, силами с отцом меряться. Лексей устроил все эти наиважнейшие перемены, он уж конечно знает тонкие детали и сочные подробности, но расспросы учинить никто не посмел. Себе дороже любопытство, о котором Степан неизбежно узнает.

Вот и получается: Лексей, никем не спрошенный о заветном, сегодня, как и в прежние дни, бродит по перрону и ближним улицам, рассматривает торговые ряды, словно первый раз в жизни видит нечто подобное и очень рад. Улыбается – ну чисто дитя... и ему в ответ начинают улыбаться.

– Меняйте, – шепчет очередной лавочник, молитвенно сложив руки. – Все меняйте!

Когда Лексей впервые задал свой вопрос, с ним спорили. Но, поддавшись уговорам чужака, продали вдвое против обычного. Похожая история случилась на следующее утро со следующим лавочником. После третьего торгового чуда никто уже не сомневался в Лексее, и его появления ждали, затаив дыхание. Зазывали, здороваясь издали, уговаривали наперебой – зайти, хоть словцо шепни, глянь. Времени-то мало, проснется Щуров, и, если не застанет любезного друга, вся станция вздрогнет.

Разговоры торговцев с Лексеем всякий раз складываются по-разному. Тетке Глаше, лотошнице, он исправил извечное деловое невезение в один миг. Что-то шепнул на ухо, даже не пробуя ее знаменитые пирожки... дождался смущенного кивка – и все! Абаза-кожевенника наоборот, долго-долго мирил с его родичем, трактирным служкой. Что втолковывал им обоим после – не сознались, сколь их ни спрашивали. А только дело у Абаза пошло. С юрким пацаном, разносчиком газет, Лексей сидел два дня, сверяя расписание поездов и выясняя, какие газеты доставляют на станцию, а какие можно было бы прихватить из столицы, и даже ходил договариваться с машинистами и почтовиками – в обед, бросив щуровские дела. И журналы, и заказ книг обсудил, и новое дело – доставку по домам, вместе с молоком или пирожками, это уже для всей работающей малышни на станции копеечный приработок... Вот уж в тот раз никто слова злого не сказал и завистью не мучился: газетный парнишка усерден и приветлив, он один кормит семью после гибели отца, с ног валится, а живет впроголодь. То есть жил: уже третий день он не верит себе, считая денежки. Норовит всучить Лексею половину прибыли. А тот принял оговоренное вознаграждение в первый день и отшучивается: не интересны процентные деньги, в них нет новизны. Что это значит? Пойди пойми...

В нынешнее утро Лексей взялся перевешивать дверь и править вывеску в чайной, зажатой меж лабазом и обувной мастерской. Пошептался с хозяином, похвалил чай, поругал скатерти, слишком длинные и грязные. И пошел себе дальше. Как обычно – а его привычки уже знали – остановился пролистать газеты. Он не покупал, лишь просматривал. Да так быстро... все гадали: ему что, картинки нравятся? Или разыскивает тайный знак?

В общем, все шло своим чередом, пока Лексею в локоть не вцепилась девчонка лет двенадцати. Нездешняя. Только и приметили переборские сплетники: тощая, бледная, одета на деревенский лад.

– Деда спаси!

– Сядь. Говори толком, – сразу согласился Лексей.

Выслушал очень внимательно. Взял девочку за руку и повел в дом Щурова. Хозяин уже проснулся и чаевничал. Глянул на гостя – и раздумчиво кивнул.

– Уходишь.

– Умеете вы видеть людей. Большой дар.

– Да будет уже нахваливать, я трезв, – вздохнул Степан. – Третьего дня понял, что уйдешь. Пора... Я разогнулся, новую жизнь начинаю. А ты... кто бы ты ни был, а только тесно тебе в «Переборах». Ничего не припомнил о прошлом?

– Душа ленится вспоминать. Я тоже вроде бы разогнулся и стал свободен. От чего – не ведаю, – задумчиво признал Алексей.

– На вот, за мое вытрезвление, – Щуров передал конверт. – Как оговорено, а только продешевил ты.

– О, не в деньгах дело, а в деле деньги, – рассмеялся Алексей.

– Витиевато... Что ж, иди. Не повезу сам, и провожать никого не пошлю. Приметный ты. Если ищут, то через моих людей вызнают лишнее. И напоследок скажу, – Степан нахмурился. – Ты не видишь, такое нельзя заметить на себе. В сарае со мной возился старик. Сегодняшний Алексей моложе того старика лет на... десять? А примерно так, да. Кашель попритих. И волосы. Особенно – волосы. Был ты седой, а сделался сивый с рыжиной. В общем, пора тебе уходить.

– Пора. Может, свидимся однажды, – Алексей серьезно поклонился. – Прощай. Благодарю за теплый прием.

– Прощай. За идейку с дорогой отдельное спасибо. И про склады на объездной подумаю. Эх, раззадорился я, вот дотянусь до столицы, другого калибра стану.

– Станешь.

Алексей убрал конверт, еще раз поклонился и вышел. Девочка семенила рядом, настороженно озираясь. На улицах было еще пусто, и никто в «Переборах» не проследил даже из любопытства, куда ушел загадочный Алексей. Конечно, Щуров все знал, но вслух о своих мыслях поговорил лишь с собою самим. Звякнул чайной чашкой в бок второй чашки, поставленной для Алексея. И буркнул: «Дед Фрол бате был первый советчик, как не испробовать крайнее средство? Прочее уж все в ход пустил, и зазря. Авось, сей редкий вычудок устроит чудо».

Вычудок, коего в «Переборах» знали Лексеем, миновал последний дом на окраине, прошёл по тропке мимо огородов до опушки и там пристроился на пенке сухой березы, кем-то заготовленной впрок: сучья обрубали, а ствол попилить не успели.

– Итак, барышня Ольга, самое время сесть на пенек и съесть пирожок, – Алексей отдал девочке узелок, полученный еще на перроне у знакомой торговки. Достал конверт Степана, улыбнулся, проверив содержимое. – Большого ума человек. Денег дал, как оговорено, от щедрот добавил полезное – новые документы. О, имя занятное! Оленька, я теперь зовусь Степаном Удачным. Душевно. Конечно, если он ограничился указанным... Оленька, у вас манеры барышни строгого воспитания. И речь грамотная, рассудительная. Вы знакомы с людьми дома Щуровых?

– Да. Дядя Степа... он мне не родня по крови, но все равно как дядюшка, знаю его, сколько себя помню. Он вчера гостил у нас. Велел мне одеться в деревенское, найти вас на станции, попросить слезно. Еще сказал, если не удумаете способ вывернуться, то и нет такого способа, – прошептала девочка. Села и притихла.

– О, премудрый купец дал мне новое дело! Славно. Положусь на его осмотрительность. Итак, ваш дедушка – управляющий в доме Юровых.

– Эти самые Юровы завладели землями. Заповедными. Златоречье, слышали о таком? Продали землю как-то хитро, поменяли всё в бумагах, и сделалось можно лес валить и завод ставить. А когда неправда выявилась, дедушку назначили виновным. И теперь ему смерть... даже дядя Степа сказал: безнадежно. Он уже полгода помогает, пока дело тянется... адвокатов нашел, хлопотал, а только нет надежды. Неделю назад сказал, что заберет меня в дом. Совсем нет надежды, – шепнула девочка. – Все на деда заготовлено: документы, свидетели и улики.

Дело громкое. В столичной газете упомянуто. Мне дед пояснил, как мы последний раз виделись, что Юровы – двурушники. Такой у них промысел, но дед поздно понял. Юровых нанимают, чтобы прихватить ценное и запетлять след. А суд у деда через пять дней. Нельзя ничего исправить. Я понимаю, я уже большая. Но дядя Степа сказал, вдруг вы...

– Значит, требуется быстрое решение. Логика или право не помогут, на логику и право они ответят силой и ложью. Будем искать нечто нелогичное.

– А как звать вас? Дядька звал Лексеем.

– Теперь я Степан, – бывший гость Степана Щурова пожал плечами. – Но мне и это имя не подходит. То ли жмет, то ли наоборот, широко, и я тону в нем. Нет, не Степан я стану, себя вспомнив.

– А кто?

– Самому занятно, – улыбнулся так называемый Степан. – Ну, пошли. Говорили, в перелеске повозка?

– Вон там, за оврагом да горкою. А дядя Степа предупреждал, вы хромаете. А вы не хромаете.

– Это же хорошо.

– Еще как! Далеко идти-то. Я и палку припасла. Там, за корягою.

– Вы заботливы. А бумаг деда не припасли? Ехать нам час или два, верно?

– Верно. Все верно, и бумаги есть, и ехать два часа. Как угадываете?

– Загадка легкая. Боюсь, с делом вашего дедушки так просто не справлюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.